

Зоя Крахмальникова

Русская идея матери Марии

Издательство «Стефанус»

Зоя Крахмальникова

Русская идея
матери Марии

Издательство «Стефанус»
1997

Зоя Крахмальникова
Русская идея матери Марии

*О, вы, напоминающие о Господе!
не умолкайте!
(Ис 62.6)*

Я принимаюсь писать о праведнице XX века. О праведнице, явившей новый вид русской святости на чужбине, в тяжкую пору сокрушительного слома России, в пору непризнанных мучеников за веру, которая все еще длится и длится. Я принимаюсь писать о монахине Марии с благоговением и трепетом не только потому, что рассказ о ее жизни, полной утрат, осуждений, гонений, жизни, завершившейся в душегубке нацистского лагеря Равенсбрюк, является напоминанием о силе Христовой любви, но и потому, что служение и подвиг матери Марии важны, я уверена в этом, для многих моих соотечественников.

1. На далеких берегах

Она жила Россией с тех самых пор, как оказалась вне родины. Путь в Париж, куда прибыла семья Елизаветы Юрьевны Скобцовой с мужем, матерью Софьей Борисовной Пиленко и тремя детьми Гаяной, Настей и Юрой в 1923 году, как пишет биограф матери Марии священник Сергей Гаккель¹, был «общим для многих и многих беженцев»: через Грузию, еще не зависимую от Советов, затем в Константинополь, потом в Белград.

«Все покидали Россию, – писала Елизавета Юрьевна, – все спасались от гибели. И никто не знал, надолго ли это; что ждет их на далеких берегах».

Надолго ли?

Впервые после бегства русские эмигранты стали наезжать в Россию вскоре после возвращения из лагерей и ссылок политзаключенных андроповского и горбачевского призыва. Они ехали на родину, как на необитаемый остров, заселенный новой породой людей, ехали в «джунгли», в диковинную страну-заповедник, ворота в которую внезапно открылись. Надолго ли?

«Первопроходцами» стали смельчаки, все прочие с напряжением следили за тем, не случится ли с ними что-то «типично советское»: не посадят ли ненароком.

---

¹ Протоиерей Сергей Гаккель. Мать Мария. 2-е издание, испр. и дополн. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1992, с.17. Автор книги пользуется воспоминаниями митр. Евлогия, Т. Манухиной, К. Мочульского, изданными книгами матери Марии, рукописями из семейного архива и других архивов, сборниками воспоминаний, посвященных памяти матери Марии.

Ведь было, было такое, когда после войны патриотически настроенные русские эмигранты возвращались на родину, победившую гитлеровский фашизм. И... оказывались в лагерях.

Конечно, те, кто приезжал только «посмотреть» на родину, да и те немногие, кто возвращался, уже «потеряли Россию».

Я намеренно раздвигаю рамки повествования о беженской судьбе Елизаветы Юрьевны и ее семьи. Для меня важно обозначить тему «утраты России». Она была пережита мной, но в России.

«Есть ли надежда у России?» – так называлась моя статья, написанная в 1978 году, впоследствии она войдет в обвинительное заключение, составленное следователем КГБ по особо важным делам, а затем в приговор суда (апрель 1983 г.).

«Уже было замечено не раз, что русская ностальгия – особое чувство. И оно присуще, как ни странно, не только тем, кто покинул Россию, но и тем, кто остался в ней. Наверное, эта особая тоска связана с метафизикой России, с ее мистической судьбой, в которую и вплетены мы все, родившиеся на этой земле. Печаль по ушедшей России, ностальгическая тоска по Руси, утраченной в тупиках истории, в утрату которой мы все еще не можем поверить, и сообщает нашей любви тот самый неподвластный трезвому рассудку смысл. И наиболее полно и в то же время парадоксально обнаруживается он в церковном сознании – там, где постоянно возникает ностальгическое чувство, и там, где оно постоянно побеждается – христианин не имеет пребывающего града, но взыскует грядущего (Евр 13.14)».

Так начиналась статья о надежде на «вечно пребы-

вающий град», на сокрытое Царство Бога, которое может быть явлено здесь на земле только в человеческом сердце и в Церкви, если их не «одолели врата ада»...

Я не раз буду возвращаться к теме утраты России и к угрозе «адовых врат», об этом думала и писала мать Мария.

Но в ту пору, когда Елизавета Юрьевна со своей семьей пыталась «обживать» Париж, она была погружена в другие заботы. Надо было зарабатывать деньги, работа была непосильной, а плата за нее мизерной.

Никто, конечно же, не ждал на «далеких берегах» российских беглецов. Их ждали нужда, болезни, смерть. Вскоре семью постигла беда: умерла четырехлетняя Настя, умерла от менингита. Она угасала долго, и вместе с дочерью на пороге ее смерти мучилась Елизавета Юрьевна. В семейном архиве сохранилась запись разговора с собой и о себе. Такие разговоры необходимо записывать, когда нет собеседника, которому можно доверить себя, когда нет дерзновения разговаривать с Богом, когда нет сил молиться, когда нет сил молчать. «Сколько лет, — всегда, я не знала, что такое раскаянье, а сейчас ужасаюсь ничтожеству своему... Рядом с Настей я чувствую, как всю жизнь душа по переулочкам бродила. И сейчас хочу настоящего и очищенного пути не во имя веры в жизнь, а чтобы оправдать, и понять, и принять смерть. Оправдывая и принимая, надо вечно помнить о своем ничтожестве²...»

Помнить о своем ничтожестве умеют только свя-

² о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 20

тые. И этому надо учиться всю жизнь. «Посетил Господь», – пишет Елизавета Юрьевна после похорон своего ребенка. И это «посещение», понимает Елизавета Юрьевна, открывает «истинную сущность вещей».

Что же увиделось ей в этой сути вещей? Не только «мертвый скелет живого... мертвенность всего творения», но и «животворящий, огненный, все пронизывающий и все пополающий и утешительный Дух»...

Зерно, упавшее в землю, должно прорасти новой жизнью. Эта евангельская надежда пронизывает все откровение Божие людям, записанное в Новом Завете и на скрижалях человеческого сердца. Но не всем дается возможность раскрывать сердечные скрижали. Бывает, что они остаются закрытыми до конца земной жизни или, открываясь в горестные мгновения, потом закрываются надолго. Почему? Это тайна Бога, тайна с в я з и двух миров, теснейшей связи Творца с творением, тайна Промысла о каждом из нас. «Хочу настоящего и очищенного пути... чтобы оправдать, и понять, и принять смерть». У смертного одра дочери записывается самое сокровенное: жажда иного бытия. Жажда смысла.

С этого и начинается дорога к христианству. Она начинается с дарованной веры в воскресение.

Я пишу не биографию матери Марии. Написанная о. Сергием Гаккелем, она была прочитана многими людьми в России (и я до ареста в начале 80-х годов распространяла эту книгу, изданную в ИМКА-ПРЕСС, давая ее тем, кто искал спасения от страданий и сомнений). Спрос на эту книгу не иссякает и поныне. Недавно она была переиздана в том же издательстве.

О. Сергей сообщает биографические факты, связывая их с творчеством и деятельностью Елизаветы Юрьевны до пострига, а затем монахини Марии. Его задача заключается в том, чтобы «вычертить» линию судьбы, используя все написанное о матери Марии и ею самой. Я же намерена ограничиться рассмотрением комплекса идей, высказанных в творчестве и осуществленных в жизни монахиней Марией, причем тех идей, которые, как мне представляется, наиболее существенны для сегодняшней, а, возможно, и для завтрашней России. Я назвала их «русской идеей матери Марии», будучи уверенной в том, что русская идея, ставшая для многих философов, писателей и ученых неким «инструментом» познания специфики российского сознания, не является застывшим «клише» или символом. Не является она и религиозным феноменом. На мой взгляд, это постоянно движущаяся метафизическая реальность, способная к обогащению и обнищанию различных смыслов, связанных с главными идеями бытия: свободой выбора добра и зла, истины и лжи, свободой выбора Бога или дьявола.

Изложенная характеристика, конечно же, слишком обща, но стоит ли говорить о том, что все упомянутые мной «параметры» этой идеи связаны с историческими, национальными, религиозными и культурными факторами. Все движется в этом видимом мире, все идеи и образы, постигаемые в историческом и метаисторическом бытии, зависимы от глашатая русской идеи, от глубины ее постижения и от обогащения ее своим опытом.

Русская идея матери Марии, сложившаяся в не России, уникальна. Мать Мария не утратила Россию

на чужбине, а обрела ее. И обрела на крестном пути, в поисках единства со Христом, как бы распинаясь с распятой Россией.

Я уже упоминала о том, каким мне видится время матери Марии. Оно не так уж отличается от нашего времени, более того, и та, и другая пора представляют собой одну эпоху. Российское мученичество стало невиданным возвышением христианства. Человечество его не заметило. Не узнала о нем Россия. Не узнала и не оценила его подвига.

Презрение к Богу и к страдальцам за веру разрушило и продолжает разрушать Россию. И не только Россию. Мир – единое целое, единое тело, и каждая его «клетка» связана с другой «клеткой», связана невидимыми узами...

Разрушение России было первым этапом в «похищении» мира дьявольскими слугами.

Что я имею в виду? Большевики, открывшие новую эру в истории России, намерены были выполнить поставленную их лидерами задачу. Она была сформулирована в простой формуле «Интернационала»: «мы с в о й , м ы н о в ы й мир построим». Что же означало построение «нового мира»? Возможно ли было построить с в о й мир, если мир был изначально сотворен Богом, а человек получил задание наследовать его в том виде, в каком он был ему подарен? Для того, чтобы «сотворить» свой новый мир, нужно было разрушить мир, созданный Богом. И прежде всего нужно было убить Бога. А человек, созданный по образу и подобию Бога, должен был обрести д р у г о й образ и подобие. Для этого его следовало приучить отказаться от заповедей, данных Богом. Если было сказано: «не убий», значит, надо было внушить жажду

убийства, если сказано: «не кради», значит, надо было привить любовь к воровству, стремление к насилию, привычку ко лжи.

Задачей большевиков стало создание человека-оборотня, пленника и слуги антихриста. Зверо-человека.

Почти целый век разрушался в России Божий мир, почти целый век новые владельцы России занимались ее «похищением».

Плоды этого злодейства не могли ни исчезнуть, ни быть сокрыты при так называемой «перестройке» – переходе большевизма в демократию, хотя девизом перестройки стало «ускорение»! Не могли они быть упрятаны под покровом новых наименований, присвоенных себе вчерашними коммунистами, назвавших себя демократами.

Имя, название, определение должны выражать сущность явления. Лживое имя мстит за себя, Бог не дает благих плодов, если в основании любого дела есть ложь. Она убийственна.

За семьдесят с лишним лет ложь принесла России неисчислимые потери.

Погибли миллионы безвинных людей, истощились земли, воды, леса, иссякли богатейшие недра. Россия была изуродована и похищена ложью и убийством. Но среди этих злодейств самым страшным было разрушение «духовного космоса России». Большевики отменили с согласия церковных властей, избранных и поставленных ими, ту веру, которая могла возродить Россию.

Когда мученическая Церковь, та Святая Русь, что отказалась покориться дьявольской власти, была предана официальной советской церковью, предана и

уничтожена, возникла новая вера. «Вера» по-советски.

И большевики, вчерашние, сегодняшние и завтрашние, получили и получают поддержку от «духовных лидеров» новой религии. Однако эта поддержка только в первые годы выражалась в декларациях и словесных уверениях в любви к советской власти. Чем теснее становился союз большевиков и поставленных ими пастырей, тем меньше нуждались «генсеки» и партийные боссы в верноподданнических уверениях. Достаточно было умолчания о геноциде церкви и прочих злодеяниях.

Так произошло «похищение России», похищение ее духовного мира, истощание ее силы. И сегодня мы наблюдаем, как новые служители все той же советской церкви, стараясь предстать правдолюбцами, играют в ту же самую игру. Она называется «как будто ничего не было». Не было мучеников, пошедших на крест *с о з н а т е л ь н о*, дабы не участвовать в измене. Не было сотрудничества иерархов и священников с чекистами, не было агентов в митрах и рясах. «Будем продолжать ту же самую игру в «спасение церкви»».

Ведь Россия давно похищена, и теперь ее уже не вернуть...

2. «Что я могу, Вершитель и Каратель? Я только зов, я только меч в руке...»

Зерно должно прорасти. После смерти Насти начинаются поиски с л у ж е н и я , литературное творчество, статьи, стихи выполняют свою особую роль, они уточняют, оправдывают и обогащают смысл служения, освещая его светом истинного христианства. Не ради формальности я употребляю это понятие: истинное христианство. В XX веке в России истинное христианство обрело свой смысл и опыт; во время большевистских гонений на веру та часть Русской Православной Церкви, которая отказывается поклоняться богоборческой власти, называет себя «Истинно-Православной Церковью» (ИПЦ). Православие оказывается разделенным на подлинное, оставшееся верным Христу, и ложное, покорившееся богоборческой власти и, значит, утратившее огонь. В одной из статей матери Марии есть такое признание: «Теперь мне ясно, что христианство или огонь или его нет».

«Кто близ меня, тот близ огня» – эти слова Христа приведены в сборнике древнехристианских апокрифов, записанных евангелистами, свидетельства которых не вошли в канонический Новый Завет.

Служение Елизаветы Юрьевны и было возвращением к истинному христианству. Она становится разъездным секретарем в РСХД (Русское студенческое движение, основанное в 1923 году). В ее обязанность входит чтение докладов на собраниях русских эмигрантов. Доклады дают возможность познакомиться с жизнью людей, с их бедами и нуждами, и в

одном из рассказов о своих поездках она признается: «Бывали случаи совсем невероятные, когда приступать с докладами и лекциями и думать было нечего. Тогда из командированного лектора неожиданно я превращалась в духовника...» Внезапный отъезд в Россию старшей дочери Гаяны, а затем известие о ее смерти в 1936 году и в этот раз были восприняты как еще одно «посещение Господне», как некий зов. «Все было темно вокруг, – рассказывает мать Мария, – и только где-то вдали – маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть».

Странно ли, что так схожи переживания смерти обеих дочерей: одной в 1926 г., другой через десять лет – в 1936. Никакого отчаяния при ощущении трагической разлуки. «Предельное духовное одиночество», – говорит мать Мария (она уже монахиня, постриг состоялся в 1932 году) – и «маленькая светлая точка».

Не слепи меня, Боже, светом,
Не терзай меня, Боже, страданьем.
Прикоснулась я этим летом
К тайникам Твоего мирозданья.
Средь зеленых дождливых мест
Вдруг с небес уронил Ты крест.

Смерть, принимаемая матерью Марией как «посещение Господне», входит в ее жизнь. Смерть не пугает, она срывает покровы с тайн бытия, и это открытие «тайников Твоего мирозданья» потрясает душу.

Второе погребенье Насти (на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа был куплен участок земли, и

туда нужно было перенести прах девочки) открыло, по словам Елизаветы Юрьевны, значение особого всеобъемлющего материнства... «Я увидела перед собой новую дорогу и новый смысл жизни».

«Всеобъемлющее материнство» – в этих словах читается прообраз нового монашества, воздвигающего свой монастырь посреди «мирской пустыни». Оно, конечно же, отличается от того монашества, укореняющегося на уставных принципах, что некогда, спасаясь от растреления, бежало из мира в пустыню. В ту пору не ведали, что монашество в мире будет не только возможно, но и необходимо. Что к нему будут призваны те, кто пожелает укрыться в своих мирских жилищах, превращенных в монашеские кельи, чтобы отмаливать погибающее человечество, а также те, кто, как мать Мария, будут спасать заблудших, утративших себя, горестных, усыновляя их Христу.

Подвел ко мне, сказал: усынови
Вот этих каждого в его заботе, –
Пусть будут жить они в твоей крови, –
Кость от костей твоих и плоть от плоти.

О, Господи, не дай еще блуждать
Им по путям, где смерть многообразна.
Ты дал мне право, – говорю как мать,
И на себя приемлю их соблазны.

Усыновление, материнство для матери Марии – не только долг, но потребность, полнота жизни. Все ее творчество: стихи, богословские статьи, публицистика, все, что она писала перед постригом и после него, связано с одной из насущных проблем рус-

с кой идеи, необходимостью возвращения к утраченному христианству Христа, открывшему человеческой душе путь в Вечность. Путь этот начинается с жертвы и кончается ею, служением ближнему, личной Голгофой.

Связана ли жажда «всеобъемлющего материнства» с утратой двух дочерей, с эмигрантской неустроенностью, тоской по России и мучительной любовью к ней? И с осознанием необходимости служить будущей России в разлуке с ней?

Мы не можем знать причин, которые влекут душу к служению Богу, не можем знать мы и об источниках благодатных сил, преображающих ум и сердце и дарующих мужество для подвига.

В катакомбной российской Православной Церкви распространилась рукопись, вывезенная из России в 1942 году за границу и опубликованная в газете «Православная Русь» в 1965 году. Рукопись называется «От Меня это было». По стилю она напоминает некоторые творения св. Тихона Задонского. Это разговор Бога с человеком, испытывающим различные скорби и искушения, разговор, основанный на Евангельском откровении, на тех взаимоотношениях человека и Бога, которые определены в Новом Завете.

«Думал ли ты когда-нибудь, что все, касающееся тебя, касается одинаково и Меня? Ибо касающееся вас, касается зеницы ока Моего. Ты дорог в очах Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, а потому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя», – так начинается рукопись. Далее перечисляются обстоятельства, которые постигают человека в этом мире.

«Переживаешь ли ты ночь скорби? – От Меня это

было. Я муж скорбей, изведавший болезни. Я допустил это, чтобы ты обращался ко Мне и мог найти утешение вечное».

Бог утешает скорбящую душу надеждой. «Призвали ты неожиданно занять трудное и ответственное положение? Иди, полагаясь на Меня. Помни, что всякая помеха есть Божие наставление. Всякое жало притупляется, если ты научишься во всем видеть Меня, что бы ни коснулось тебя, – а потому положи на сердце все слова, которые Я объявил тебе сегодня – от Меня это было, – ибо это не пустое слово для тебя, но это жизнь твоя...»

Понятно, что этот разговор Бога с человеком не является историческим документом, он современен для любой эпохи, будучи не ограничен ни временными, ни географическими рамками. Здесь выражен смысл Божественного призвания и указано на его бесценность. И оба эти обстоятельства имеют отношение к судьбе матери Марии. Она была призвана пережить смерть дочерей, эмигрантскую потерянность, гибель России и надежду на ее воскрешение, была призвана служить тем, кто утратил родину, и защищать от смерти гонимых фашистами евреев и принять за это свою Голгофу.

«От Меня это было».

3. «Вы символ всей нашей жизни...»

Читая двухтомник сочинений матери Марии³, я обратила внимание, что чувство материнской жалости было присуще будущей подвижнице и в юности.

Оно возникло в пятнадцатилетней девушке при встречах с Александром Блоком в Петербурге, когда гимназистка Лиза Пиленко искала избавления от своей «пророческой тоски».

Воспоминания «Встречи с Блоком»⁴ были написаны матерью Марией к пятнадцатилетию со дня смерти поэта, а, значит, в 1936 году.

«Вы символ всей нашей жизни, даже всей России символ». Эти слова были сказаны Лизой Блоку в одну из странных встреч, где ни с той, ни с другой стороны не было влюбленности, и в то же время их влекла друг к другу словно бы некая общая обреченность. Автор «Встреч с Блоком» не объясняет, почему они должны были изредка видеть друг друга и говорить о тяжелых петербургских туманах, тоске и безнадежности. Однажды, видимо, в одну из последних встреч с Лизой, Блок сказал: «Знаете, у меня есть просьба к вам. Я хотел бы знать, что часто, часто, почти каждый день вы проходите внизу под моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулит, ограждает. Пройдете, взглянете наверх. Это все».

Это все. Два человека в пустынном бессмысленном мире. Два поэта, и в их разговоре мы не улавливаем

³ Мать Мария. Воспоминания, статьи, письма. В 2-х тт. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1992.

⁴ Там же, т. 1, с. 24-46.

различия меж ними, не чувствуем, что один из собеседников – великий поэт России, а Лиза только в начале своего пути и стоит перед выбором: как и чем жить. Но Блоку она нужна. Она должна его оградить. Он знает, что она может это сделать.

Между тем, автор «Встреч с Блоком» никак не демонстрирует свою силу. Она приходит к Блоку, побывав на его вечере и прочитав его книгу. «Стихи непонятные, но пронзительные, – вспоминает Елизавета Юрьевна, – от них никуда мне не уйти, он знает мою тайну...» И вот после двух посещений его дома она наконец застает его. «Мы долго говорим. За окном уже темно. Вырисовываются окна других квартир. Он не зажигает света. Мне хорошо, я дома, хотя многого не могу понять. Я чувствую, что около меня большой человек, что он мучается больше, чем я, что ему еще тоскливей, что бессмыслица не убита, не уничтожена. Меня поражает его особая внимательность, какая-то нежная бережность. Мне большого человека ужасно жалко. Я начинаю его осторожно утешать, утешая и себя. Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце материнская встревоженность и забота»⁵.

Лизе в ту пору пятнадцать лет. Откуда же материнская встревоженность? Предчувствие будущего трагического материнства? Жажда иной любви, не влюбленности, не любовной игры, а встревоженность и забота... Александр Блок присылает стихи, посвященные Лизе.

---

⁵ Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки. Париж: ИМКА-ПРЕСС, т. 1, с. 28.

Когда вы стоите на моем пути
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту –
Что же? Разве я обижу вас?

Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет,
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные
И нерифмованные
Речи о земле и о небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека⁶.

Стихи привели Лизу в негодование. И письмо тоже, в котором было сказано: «Бегите от нас, умирающих...»

Лиза рвет письмо. «Так и знайте, Александр Александрович, человек все понимающий, понимающий, что значит бродить без цели по окраинам Петербурга и что значит видеть мир, в котором нет Бога.

Вы умираете, а я буду, буду бороться со смертью, со злом и за вас буду бороться, потому что у меня к

---

⁶ Александр Блок. Собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1960. Т.2, с. 288.

вам жалость, потому что вы вошли в сердце и не выйдете из него никогда»⁷.

Таков ответ на призыв «влюбиться в простого человека». Через четыре года Елизавета Юрьевна выходит замуж. Петербургские встречи с Блоком продолжаются. Последнее письмо от Блока было получено ею в 1916 году. «Я теперь табельщик 13-й дружины Земско-Городского Союза. На войне оказалось только скучно...»

Что же значит «бродить без цели по окраинам Петербурга» и что значит «видеть мир, в котором нет Бога»?

Это было написано в 1936 году монахиней Марией, нашедшей Бога и увидевшей другой мир. Написано в том году, когда в России умерла Гаяна.

Во «Встречах с Блоком» повествуется о погибающем российском мире, где «нет Бога», где властвует тоска, ставшая «почетной гостьей» в той интеллектуальной среде, где в течение нескольких лет «вращались» будущая монахиня и знаменитый поэт. Интеллигенция, по преимуществу художественная, утратив Бога, теряла и Россию, пугающую ее и мучающую безвременьем и предчувствием катастрофы.

«Помню, – пишет мать Мария, – одно из первых наших посещений башни Вячеслава Иванова. Вся Россия спит. Полночь. В столовой много народа. Наверное, нет ни одного обывателя, человека вообще, так себе человека. Мы не успели еще со всеми поздороваться, а уже Мережковская кричит своему мужу: – С кем вы – с Христом или с Антихристом?

Спор продолжается. Я узнаю, что Христос и рево-

---

⁷ Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки, т. 1, с. 29.

люция неразрывно связаны, что революция – это раскрытие третьего Завета. Слышу бесконечный поток последних, серьезнейших слов. Передо мной как бы духовная обнаженность, все наружу, все почти бесстыдно. Потом Кузьмин (первый муж Елизаветы Юрьевны. – З.К.) поет под собственный аккомпанемент духовные стихи. Потом разговор о греческих трагедиях, об «оркестре», о Дионисе, о православной церкви. На рассвете поднимаемся на крышу, это тоже в порядке времяпрепровождения на башне. Внизу Таврический сад и купол Государственной Думы. Сонный, серый город.

Утром приносят новый самовар, едят яичницу. Пора домой... На душе мутно. Какое-то пьянство без вина, пища, которая не насыщает. Опять тоска». И чуть ниже читаем о жалости к революционерам, «потому что они умирают, а мы можем только умно и возвышенно говорить о их смерти... И еще мне жалко, – не Бога, нет. Его нету. Мне жалко Христа. Он тоже умирал, у Него был кровавый пот. Его заушали, а мы можем об этом громко говорить, нет у нас ни одного запретного слова. И если понятна Его смерть за разбойников, блудниц, мытарей, то непонятна – за нас, походя касающихся Его язв и не опаляющихся Его кровью⁸».

Начало покаяния или пока еще стыд? Но вот постепенно «Христос, еще не признанный, становится своим... Христос это наше... Чье наше? Разве я там, где Он?»

Революция и Христос... Неужто там, в башне интеллектуалов и гениев, была придумана эта «безумная

⁸ Мать Мария, т.1, с. 30-31.

ересь», которую и ныне повторяют небольшие в архиерейских ризах и священнических подрясниках? А им вторят коммунисты, уверяя себя и нас, что национальная российская идеология не что иное, как православие. «Третий завет» взамен «Коммунистического манифеста». Дьявол однообразен. Всегда. Во времена революций и всевозможных перестроек...

«Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции, – так глубоко, беспощадно и губительно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее. И вместе с тем эта глубина и смелость сочетались с неизбывным тлением, с духом умирания, призрачности, эфемерности»⁹.

Не так ли живет российская интеллигенция сегодня, в период еще одной революции? Мать Мария считает, что «они были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции». Увы, это был не последний акт трагедии, она все еще длится, и сущность ее не в разрыве с народом, а в разрыве с Богом. Бога не жалко, «Его нету»...

«Встречи с Блоком» – проза поэта. Живопись поэта, набросанная сильной кистью, которой управляет умелая рука. Она стремится к тому, чтобы мазки, которые она кладет на полотно, были спокойными, не раздражающими глаз и чувства. Картина петербургской дореволюционной поры, где на размытом желтыми

---

⁹ Там же.

туманами изображении нелюбимого города («Я ненавидела Петербург... И душе хотелось подвига, гибели за всю неправду мира, чтобы не было этого рыжего тумана и бессмыслицы») вырастает фигура Поэта. Он – символ России. «У России, у нашего народа родился такой ребенок. Самый похожий на нее сын, такой же мучительный, как она. Ну, мать безумна, – мы все безумьем больны. Но сына этого она нам на руки кинула, и мы должны его спасти, мы за него отвечаем»¹⁰. Итак, здесь тема материнства звучит сильнее, чем в начале этой «поэмы о Поэте». Елизавета Юрьевна еще не знает, «как его в обиду не дать», но уже знает, что не своей же силой можно защитить человека... Важно только свободно отдать свою душу на его защиту...

Это уже мысль христианская, евангельская. Душа драгоценна, она стоит целого мира, как говорит Христос. К тому же душа Елизаветы Юрьевны так же, как душа «безумного сына безумной России», принадлежит Богу. Это тоже евангельская истина. Блок просил «оградить и караулить» его. От кого же и от чего могла оградить его Лиза Пиленко? От безверия, безбожного бытия, несущего бессмыслицу и тоску? Но им осталось слишком мало времени, оно стремительно несет Россию к войне и к революции, которая сокрушит все надежды.

В одну из последних встреч Елизавета Юрьевна говорит Блоку о том, «что надо сейчас всей России в войне, в труде и в молчании искать своего Христа и в Нем себя найти». Видно, так она пытается исполнить его просьбу: оградить его. И говорит о нем, о его пути, о боли за него: «Перед гибелью, перед смертью,

---

¹⁰ Там же, с.38.

Россия сосредоточила на вас все свои самые страшные лучи, – и вы за нее, во имя ее, как бы образом ее сгораете... Ничем, ничем помочь вам нельзя».

Нельзя. Близится крушение России и крушение Блока. Пройдет немного времени, и в поэме «Двенадцать» Александр Блок увидит Христа с кровавым знаменем в руках, влекущим тех, кто идет за Ним, куда-то. Куда же ведет Христос тех, кто кичится развратом, презрением к вере, куда ведет он Петьку, убивающего Катюку, и его соратников по революции? «Вперед, вперед, вперед, рабочий народ!..» В ад?

«С кем вы – с Христом или с Антихристом?» – кричит Мережковская своему мужу в «башне» Вяч. Иванова.

Если нет веры в Христа, является Антихрист. Греческое слово «анти» имеет два значения: «вместо» и «против».

Не он ли, не Антихрист, в образе Христа «в белом венчике из роз» ведет, держа кровавое знамя, в преисподнюю тот самый народ «третьего завета»? Другой замечательный русский поэт Максимилиан Волошин писал в 1917 году в стихотворении «Мир»:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи:

Германцев с запада, монгол с востока.
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда¹¹.

В последнем абзаце своих воспоминаний о туманной петербургской поре и Блоке мать Мария пишет: «Россия умирает, – как же мы смеем не гибнуть, не корчиться в судорогах вместе с ней? Скоро, скоро пробьет вещей час, и Россия, как огромный оснащенный корабль, отчалит от земли в ледовитую мертвую вечность»¹².

Этот финал, бесспорно, относится к «двум временам», к тому периоду, о котором вспоминает мать Мария, и к тридцатым годам («Встречи с Блоком» написаны в 1936 г.) В России господствует ее убийца – Сталин. Аресты, тюрьмы, расстрелы, ссылки, ГУЛАГ. Судебные процессы, начатые Сталиным с приходом его к власти, будут продолжаться до его смерти. И после нее.

Мать Мария, вспоминая свою юность и встречи с Блоком, ищет начал российской гибели. Ищет и находит.

---

¹¹ Максимилиан Волошин. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 106.

¹² Мать Мария. Встречи с Блоком. н.т. 1, с. 46.

4. «Время обернулось апокалиптическим ангелом»

Это мировидение матери Марии, возможно, начало слагаться там, в туманном Петербурге, предвоенной порой.

Апокалиптический ангел протрубил. И Россия умирает. Вот-вот она отчалит от земли, как огромный оснащенный корабль, отчалит в мертвую вечность...

И все же корабль может и должен быть спасен, его предстоит любыми усилиями «развернуть» в другую сторону, помогая ему избежать «ледовитой мертвой вечности». Монашество как мирочувствие, как образ бытия, как служение Богу и миру лишь обостряет необходимость не допустить погружения «оснащенного корабля» на дно. Эта надежда словно бы ствол, из которого непременно должны вырасти новые ветви. Они займут место отмирающих. Христиане – ветви Креста, так мыслили ученики Христовы на заре христианства. Они жили надеждой на чудо. И чудо становилось реальностью.

«В путях нашей веры, – пишет мать Мария в статье «О монашестве», – мы должны уповать на чудо возрождения русской церкви, а с ней и русского монашества. Но в путях нашей активности мы имеем право лишь на одно – на то, чтобы действовать так, будто в мире мы остались на единственном обитаемом острове среди потопа, – и на нас лежит вся ответственность за врученные нам ценности»¹³.

¹³ Мать Мария, т. 1, с. 131

Здесь изложена программа жизни матери Марии. Она связана с Россией и может прояснить для нас смысл сделанного ею выбора, а именно избрание монашества как нового, очищенного пути ко Христу. Нужны обеты. Крещение в младенчестве остается таинством новой жизни для немногих, избранных с детства святых и праведных.

Всего три обета: целомудрие, нестяжание, послушание. Принимающий добровольно постриг, получает новое имя и извещается о том, что его жизнь должна стать подражанием жизни Христа.

Собственно говоря, чин пострижения и тексты положенного увещания, которое читается при пострижении, не отличается от заповеданного в Евангелии ученикам и последователям Христовым, монашество было призвано для восстановления христианства, переживающего в Константиновский период христианской истории (в 313 г. был принят императором Константином Миланский эдикт, прекращающий гонения на христиан) духовное оскудение, обмирщение, зависимость от властей мира сего, а, значит, утрату подлинного «чувства Бога» и «чувства Церкви». А точнее: утрату единства с Богом и соборности, являющейся одним из важнейших свойств Церкви. Преп. Максим Исповедник определяет веру как единство с Богом. «Порушенное единство» приводит к фиктивному «христианству», внешнему, обрядовому. Подмена веры обрядоверием влечет мир к катастрофическому нравственному и духовному распаду, к Апокалипсису. «Оснащенный корабль», получивший «пробоины», не сразу погружается на дно, его команда «залатывает» дыры, и он медленно качается из стороны в сторону, но Бог долготерпелив

и милосерд. Он пришел на землю, чтобы «спасти погибшее» и дать силу погибающим. Но это возможно, если не потеряна связь творения с Творцом, если не оскудела любовь, если не угасла память о первой заповеди, дарованной человечеству его Создателем: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим» (Втор 6.5). Когда на земле кончается такая любовь, земля обречена.

Монашество спешит на помощь миру, в котором оскудевает любовь. Так спешит мать Мария к своему кресту.

Все пересмотрено. Готов мой инвентарь.
О, колокол, в последний раз ударь.
Последний раз звучи последнему уходу.
Все пересмотрено, ничто не держит тут.
А из туманов голоса зовут.
О, голоса зовут в надежду и свободу.
Все пересмотрено. Былому – мой поклон...
О, колокол, какой тревожный звон,
Какой крылатый звон ты шлешь неутомимо...¹⁴

Два новомученика, два епископа: митрополит Иосиф Петербургский (Петровых) и архиепископ Серафим Дмитровский (Звездинский), погибшие, как и многие их собратья-епископы и священники, в годы большевистского террора, оставили свои воспоминания о пострижении в монашество. Написанное будущим архиепископом Серафимом письмо брату было напечатано мной в «Надежде» (выпуск 4-й, в разделе «Мученики XX века»). Письмо владыки

¹⁴ о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 43-44

Серафима, так же, как его послания из ссылок к духовным детям и проповеди, попали ко мне чудом, как, впрочем, и многие другие тексты, вошедшие в христианское чтение «Надежда». Помню, как поразило меня это письмо, поразило жаждой монашества.

И тогда «все было пересмотрено». И звон колоколов... А в конце, после принесения обетов и облачения в монашеское одеяние – несказанная радость. «Что чувствовал и переживал я, – писал брату будущий владыка Серафим, – когда в монашеском одеянии стоял перед образом Спасителя, у иконостаса, с крестом и свечою, не поддается описанию. Всю эту ночь по пострижении провел в храме в неопишемом восторге и восхищении. В душе словно музыка небесная играла; что-то нежное-нежное, бесконечно ласковое, теплое, необъятно любвеобильное касалось ее, и душа замирала, истаивала, утопала в объятиях Отца Небесного. Если бы в эти минуты подошел бы ко мне кто-нибудь и сказал: «Через два часа вы будете казнены» – я спокойно, вполне спокойно, без всякого трепета и волнения пошел бы на страшную казнь и не сморгнул бы!»

Письмо было послано из Сергиева Посада 31 октября 1908 года. Казнь свершилась в 1937 г.

«Монах – это очнувшийся распутный сын, для которого все *прошедшее, настоящее и будущее* слилось и замерло в один нескончаемо долгий *момент* сладчайшего самозабвения на груди Отеческой...» – писал будущий священномученик митрополит Иосиф Петроградский (Петровых), начавший свой монашеский путь в 1901 году.

Удивительно ли, что оба «постриженника», оба епископа-мученика переживали одни и те же чув-

ства? Вот и будущий митрополит стоит перед образом Спасителя «по правую сторону царских врат, со св. Крестом и свечой в руках. Здесь, – описывает он, – я стою всю обедню полный самого благодатного умиления над свершившимся со мною. Ни одного мирского помысла, ни одной суетной мысли не допускает Господь: весь Он овладевает в эти минуты предавшейся Ему душою, весь наполняет и занимает ее».

Ректор Духовной Академии, епископ Арсений Стадницкий, напутствуя будущего мученика, говорит ему: «Ты стал в ряды воинов Христовых... вот тебе от нас братское благожелание и внушение в напутствие новой жизни: не изменяй своему знамени. Везде во всяком положении измена знамени, под которое человек становится вольною волей и вольным разумом, есть позорное преступление».

Митрополит Иосиф был расстрелян в 1937 году (по некоторым сведениям в 1938 г.) за то, что не согласился совершить «позорное преступление» и вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) начать новую историю русской православной церкви по указке Сталина и его приспешников. Он служил в Истинно-Православной церкви, к которой присоединились епископы, священники и миряне, когда узурпировавший власть в РПЦ митр. Сергей разорвал связь с исповедниками православной веры, поставив их тем самым перед угрозой гибели.

* * *

«Вот мать Мария постриглась, и с тех пор она вся сияет» – эти слова митрополита Евлогия, совершившего постриг, приводит о. Сергей Гаккель. Она каза-

лась «гармоничной и устроенной», – вспоминает Т. Манухина.

Постриг состоялся в 1932 году, погибла мать Мария в 1945-м в газовой камере нацистского лагеря в канун Пасхи.

Война шла к концу, оставшиеся в живых узницы лагеря смерти вспоминают, что в тот день, когда обессиленную мать Марию увезли на смерть, в лагере была слышна артиллерийская канонада наступающей советской армии. У ворот лагеря ждал белый «Форд» Международного Красного Креста. Представители Красного Креста прибыли с намерением вести переговоры об освобождении трехсот узниц из Франции¹⁵.

Тринадцать лет между постригом и мученической кончиной. И все годы – предчувствие крестной смерти. И стремление как можно больше успеть.

---

¹⁵ о. С. Гаккель. *Мать Мария*, с. 257

5. «Сейчас для монаха монастырь весь мир»

Вскоре после пострига мать Мария предпринимает поездку в женские монастыри Прибалтики, в ту пору еще не оккупированной советской властью. Знакомство с русскими монастырями, расположенными за границей, оказалось весьма важным для выбора образа монашеского служения.

Мать Мария отказывается от «уставного монашества» и выбирает свой путь. И не оставляет творчество: стихи и статьи, где собраны ценнейшие мысли, прозрения, важные для нее цитаты известных богословов, ссылки на Святых Отцов Церкви, помогающие начать свое служение Богу и миру. Миру, который она воспринимает как с в о й монастырь.

Однако выбор такого пути нелегок, ей приходится преодолевать сопротивление со стороны духовных наставников, вчерашних друзей и коллег, уверенных в том, что монашество матери Марии бросает вызов традиции. Ей приходится отстаивать правоту своего пути в творчестве и в практической деятельности. У нее много сил. И для созерцательного и для деятельного подвига, для тех двух направлений в христианском служении Богу и ближнему, которые не так легко соединить...

Первой удачей было снятие дома для общежития. Только в день заключения контракта мать Мария после безуспешных поисков денег обратилась к митрополиту Евлогию. Он дал пять тысяч франков, и вечером этого же дня она пишет матери: «я могу ноче-

вать дома...» Пишет, что ее ждет работа, много работы, и очень радостной, и что это «похожая на чудо реальность».

Наконец-то! Дверь скорей на ключ.
Как запущено хозяйство в доме.
В пыльных окнах еле бьется луч.
Мыши где-то возятся в соломе.
Вымету я сор из всех углов.
Добела отмою стол мочалой.
Соберу остатки дум и слов,
И сожгу, чтоб пламя затрещало...¹⁶

Дом обустроивался быстро, в одной из комнат был создан домовый храм, который расписала сама мать Мария.

В столовой собирался кружок изучения России и религиозно-философский семинар. Священник Сергей Булгаков и Н.А. Бердяев читали там свои доклады. Иногда собирались съезды.

Через два года дом пришлось покинуть, он оказался мал для осуществления всех замыслов матери Марии. И начался новый период. Снова нужны были деньги, и немалые. И снова мать Мария пыталась победить свои сомнения и боязнь неудачи. Она задумала создать в новом доме на улице Лурмель столовую, чтобы кормить не двадцать пять голодающих, как прежде, а сто. «Я просто чувствую по временам, – вспоминает ее слова Мочульский, – что Господь берет меня за шиворот и заставляет делать, что Он хочет. Так теперь и с этим домом.

---

¹⁶ о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 71

С трезвой точки зрения это – безумие, но я знаю, что это будет. Будет и церковь, и столовая, и большое общежитие, и зал для лекций, и журнал. Со стороны я могу показаться авантюристкой. Пусть! Я не рас-суждаю, а повинуюсь».

Вскоре дом на ул. Лурмель стал наполняться, была оборудована и украшена иконами домашняя цер-ковь. Мать Мария сама писала иконы, делала вышивки, изображающие эпизоды из жизни святых. Дом на Лурмель привлекал множество людей «-теплым чувством укрытости, упрятанности, как вспо-минает Т. Манухина, сравнивая его со «спасительным Ноевым ковчегом, которому не страшны волны гроз-ной житейской стихии»¹⁷.

«Римом времен упадка» называла мать Мария Петербург предвоенной поры. «Допотопным челове-чеством» предстало предо мной население поселка Усть-Кан, моей первой ссылки на Горном Алтае. Одна из моих знакомых, которой КГБ поручило при-глядывать за мной, узнавая о моих размышлениях и намерениях, приходя в гости, пыталась говорить о вере. И однажды потрясла меня следующей фразой: «Говорят, Ленин и был Христом». Произнеся эту чушь, она ждала моего ответа. Что я могла ей сказать? Ей не нужен был ни Ленин, ни Христос, а передать суть моего ответа чекистам она все равно не сумела бы: ее сознание и ум были не развиты, она жила рас-тительной жизнью, собирая имущество побогаче, все прочее для нее не существовало. Она зашла ко мне внезапно и в тот день, когда в моем бараке шел обыск, смутилась и ушла, задав какой-то совсем незначачий

---

¹⁷ там же с. 75

вопрос. Зачем она приходила? Только теперь, вспоминая ее посещение, я поняла, зачем. Обыск был связан с арестом Ф. Светова (это было до нашего развода), возможно, КГБ готовило еще один процесс, а она, моя знакомая, обучавшая меня прядению и вязанию, могла бы стать на этом суде свидетельницей... И тогда ее предположение, что Ленин и Христос – одно и то же лицо, возможно, могло бы и пригодиться... Она придумала бы мой ответ, продиктованный ей чекистами.

В Усть-Кане я не раз думала о том, что попала в пустыню, где наслаждается первобытной жизнью допотопное человечество. Горы, иногда напоминавшие мне конвой, ограждавший Усть-Кан от прочего мира, защищали усть-канское человечество от «общечеловеческих ценностей», которыми так хотел одарить Михаил Горбачев всю советскую страну... Глядя на синевато-серые скалы и зеленые горы, я думала о том, как испоганили люди красоту сотворенного Богом мира. Вверху, поближе к небесам, высились величественные горы, а внизу пластался загаженный мир: свиньи, коровы, овцы скитались и спали вблизи домов, им не строили хлебов, и они превращали землю в неубранный хлев...

Тогда-то я не раз думала о Ноевом ковчеге. Усть-Кан был органической частью мира, где человечество распоряжалось Божиим творением безрассудно, жадно и постыдно. Пора было строить Ноев ковчег. Не было, однако, Ноя. Нет его и теперь, когда Россия все так же напоминает «Рим времен упадка».

...Между тем Ноев ковчег матери Марии – Лурмель – оказался лишь начальным этапом. Деятельность матери Марии расширялась, появлялись другие дома для приютов.

Количество обедов, которыми кормила мать Мария голодающих, увеличивалось, свящ. Сергей Гаккель приводит в своей книге свидетельства из газет и журналов, где даются объявления о том, что существует дешевая столовая, которая обслуживает безработных, получающих пособие. Тех же, кто лишен пособия, кормят бесплатно. В течение 1935 года было выдано почти 23 тысячи обедов.

Помощь голодающим, нищим, больным туберкулезом, тем, кому эмиграция из России, принесла неизбывное горе, болезни, депрессию, требовала огромных сил.

«На рынке мать Марию хорошо знали, – приводит в своей книге о. Сергей отрывки из воспоминаний К.В. Мочульского, – в мешок сыпались кости, рыба, переспелые фрукты и овощи. Мешок взваливали ей на плечи, и она тащила его к метро... В этой бедно одетой монахини («рукав пыльной рясы разорван, на ногах стоптанные мужские башмаки») трудно узнать поэтессу, бестужевку, дворянку, которой в молодости никогда не приходилось ходить за покупками вообще»¹⁸.

Читая эти подробности в биографии матери Марии, составленной из воспоминаний ее соратников по «Православному Делу», ее союзниц, я вспоминаю другую не менее героическую повесть еще об одной аристократке по рождению – «фрейлине трех императриц», оказавшейся на одном из островов Архипелага ГУЛАГ, а именно в Соловецком лагере.

Книга Бориса Ширяева «Неугасимая лампада», изданная в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова

¹⁸ о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 79.

в 1954 году¹⁹, попала ко мне в руки в ту пору, когда за такие книги давали «от трех лет и выше» органы госбезопасности, названные кем-то «компетентными».

Борис Ширяев написал о ГУЛАГе задолго до А. Солженицына. Он рассказывал о тех, кто жил верой и умирал за веру на Соловках. Книга посвящена «светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне, – пишет Б. Ширяев, – в день получения приговора: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко»».

Дважды был приговорен автор книги к смертной казни и дважды спасен.

Он пережил Соловки и, отбыв свой срок, был отправлен в ссылку в Среднюю Азию, затем жил на Северном Кавказе. «Вскоре после оккупации Северного Кавказа немцами Б. Ширяев оказался, – как следует из предисловия («От издательства»), – в лагере в Германии, а в начале 1945 года судьба забросила его в Италию...»

И вот один из рассказов «Фрейлина трех императриц», помещенный в четвертую часть книги, названную «Сих дней праведники».

Фрейлина попала в женский барак, где количество уголовных во много раз превышало число «казроков» (контрреволюционеров. – З.К.), они господствовали безраздельно. «Притоносодержательницы, проститутки, торговки кокаином, контрабандистки... и среди них – аристократки, кавалерственные дамы, фрейлины».

---

¹⁹ Книга была переиздана в 1991 году в издательстве «Столица», Москва.

Я читала эту книгу до ареста (1982) и не знала, что и мне придется в пересыльных тюрьмах «сидеть» с проститутками, убийцами, торговками наркотиками. Не было только среди моих союзниц ни фрейлин, ни кавалерственных дам. Их уже к тому времени «списали в расход»... А тогда на Соловках, где был «Христос близко», баронесса испытывала в бараке жестокость и враждебность. «Стимулом к травле, – пишет Б. Ширяев, – была зависть к ее прошлому. А прошлое, элегантное, утонченное, яркое, проступало в каждом движении старой «фрейлины трех императриц», шестидесятипятилетней баронессы, носившей известную всей России фамилию...»

Днем она таскала сырые кирпичи, а возвратившись в барак, тщательно чистила свое платье, молча съедала миску тресковой баланды (и нас кормили в 80-х годах тем же «блюдом», только не из трески, называемым «могилой»), молилась и ложилась спать на свой аккуратно прибранный топчан. Постепенно ненависть сменилась интересом, затем уважением. А когда вспыхнула эпидемия сыпняка и понадобились сестры милосердия, первой согласилась пойти в тифозный барак фрейлина трех императриц. «Она работала днем и ночью, – продолжает свой рассказ Б. Ширяев, – работала так же тихо, мерно и спокойно, как носила кирпичи и мыла пол женбарака. С такою же методичностью и аккуратностью, как, вероятно, она несла свои дежурства при императрицах... Владевшее ею чувство долга и глубокая личная дисциплина дали ей силы довести работу до предельного часа, минуты, секунды... Вскоре на руках баронессы появилась зловещая сыпь. Начальница санчасти М.В. Фельдман заметила это и предложила ей лечь в осо-

бой палате. «К чему? Вы же знаете, что в мои годы от тифа не выздоравливают. Господь призывает меня к Себе, но два-три дня я еще смогу служить Ему...»

Они стояли друг против друга. Аристократка и коммунистка... Верующая в Него и атеистка. Женщины двух миров.

Экспансивная, порывистая М.В. Фельдман обняла и поцеловала старуху». «Когда М.В. Фельдман рассказывала мне об этом, – продолжает Б. Ширяев, – глаза ее были полны слез. «Знаете, мне хотелось перекрестить ее, как крестила меня в детстве няня, но я побоялась оскорбить ее чувство веры. Ведь я же еврейка»».

Это было время, когда тюрьмы становились монастырями, а монастыри превращались в тюрьмы. В двух таких бывших монастырях, ставших для меня тюрьмами, оказалась и я в начале 80-х годов. В ту пору уже кончалась эпоха христианского пробуждения, связанная с гонениями. Советская власть, уничтожив и усмирив всех, кто мог помешать ее безраздельному владычеству над душами людей, видно, ослабела от убийств и готовилась к мимикрии.

Но тогда, когда на Соловках умирала от сыпняка смиренная баронесса, потаенная Россия, тихая, как кроткая фрейлина трех императриц, стояла у икон и молилась о даровании силы.

Так молилась Великая княгиня Елизавета, еще одна аристократка, принцесса, внучка английской королевы Виктории, молилась о врагах, сбросивших ее вместе с келейницей, инокиней Варварой и с великими князьями в шахту под Алапаевском.

Настоятельница Марфо-Мариинской обители Елизавета, сестра последней российской императрицы

(расстрелянной в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге вместе с императором России Николаем II, их детьми и слугами), так же, как мать Мария, считала, что наступило время, когда мир является для монаха монастырем. И слова, написанные когда-то Н. Гоголем: «Ваш монастырь Россия», стали пророческими...

Они жили в одну эпоху, все эти праведницы, и хотя каждая из них несла с собой крест, их намерения и подвиги похожи. Похожи жаждой служения России не как национальной идее, не как великой державе, а как застигнутому в бедствии «оснащенному кораблю», переполненному страждущими людьми, каждый из которых взывает о помощи.

И нет ничего странного в том, что Марфо-Мариинская обитель милосердия в Москве на Ордынке, созданная стараниями Великой княгини Елизаветы в предреволюционные годы, является неким прообразом Дома милосердия на ул. Лурмель в Париже. Как не удивительно и то, что новое монашество Великой княгини и матери Марии вызывает недовольство у ортодоксов. Лишь немногие понимают, что «великий слом» России связан с «угасанием» огня, который был принесен Христом на землю. И что наступает пора, когда огонь этот должен возжечься, какую бы цену ни пришлось за это уплатить.

В день посвящения (9 апреля 1910 года) сестер обители в «крестовые сестры» во главе с Великой княгиней будущая преподобномученица, собрав своих сестер, говорит им: «Я оставляю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих».

Все пересмотрено. Былому – мой поклон...
О, колокол, какой тревожный звон,
Какой крылатый звон ты шлешь неутомимо...

Так писала мать Мария накануне пострига. «Великий мир бедных и страдающих» в России и Париже среди русских беженцев требовал одних и тех же забот и одних и тех же форм устройства жизни. Уход за больными, дешевые и бесплатные обеды, беседы для народа, приют для девочек, приют для чахоточных женщин, подвиг милосердия, терпения, любви... Всему этому была посвящена деятельность крестовых сестер в Марфо-Мариинской обители.

Входя в мир «бедных и страдающих», они избирают путь нового иночества. В чем же смысл этой новизны?

В Евангелии от Луки (глава 10) рассказывается о том, как Господь посетил двух сестер праведного Лазаря: Марфу и Марию. И Марфа старалась угостить получше Христа, хлопотала, «пеклась о многом», а Мария сидела у ног Христа, внимая Ему. Этот текст часто читают на богослужении во дни Богородичных праздников и чествования икон Пресвятой Девы Марии, и хотя Христос говорит, что Мария в отличие от Марфы избрала «благую часть», оба служения в Церкви испокон веку почитались важными. Мария внимает словам Спасителя, сидя у Его ног, а Марфа хочет Ему послужить, обрадовать трапезой... Та и другая проявляют особую любовь к Гостю, посетившему их дом. При этом их служение было все же различным. Марфа как бы символизировала деятельное служение, Мария – созерцательное. Они не противостоят друг другу, эти два образа христианского бла-

гочестия. И приходит пора, когда возникает необходимость в Марфо-Мариинском служении России.

Впервые о Марфо-Мариинском служении заговорила графиня Евгения Ефимовская. Она была первой настоятельницей миссионерской женской общины в 1885 году, а после пострижения в монашество с именем Екатерины, с благословения св. Иоанна Кронштадтского и старца Амвросия Оптинского взялась за устройство первого в России монастыря деятельного монашества, где должны были совмещаться традиционный аскетический монашеский образ жизни со служением ближним, нуждающимся в медицинской помощи и нравственном духовном просвещении.

В своей брошюре «Монастырь и христианский аскетизм»²⁰ игуменья Екатерина обосновывает необходимость нового монашеского служения России. Прежде всего она отмечает крайнее оскудение российского монашества: «есть множество монастырей, и мужских и женских, где настоятельствуют люди малограмотные и даже вовсе безграмотные. Почему же не поступают в монастыри образованные люди? Потому что им там делать нечего».

Игуменья Екатерина решается говорить о том, о чем говорить в период синодального управления церковью было, мягко говоря, не принято. Новые формы? Но христианство не устареет и никакие новшества ему не нужны! Так мыслили в течение столетий. И сколько усилий было потрачено, чтобы охладить «горячие головы»!.. Да и сегодня мы встретим у

---

²⁰ Игуменья Екатерина. Монастырь и христианский аскетизм. Сергиев Посад, типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры. 1908.

ретивых «охранителей святой старины» столь же резкое неприятие любых попыток заклеить фарисейство и церковную ложь. А мир, между тем, как пишет игумения Екатерина, «идет вперед, все в нем должно двигаться и непременно видоизменяться. И если в христианском обществе дух, стремления, цели должны оставаться одни и те же, то формы, пути и способы могут и должны сообразовываться с требованиями века... Не отстаивать нужно безжизненное монашество, а, напротив, горько о том сожалеть, что в течение столь долгого времени наши монастыри застыли в глубоком нравственном сне и из светил миру и руководителей стали учреждением, ему чуждым и даже презренным».

Игумения Екатерина объясняет исторические причины этого бедствия, задержавшего надолго нравственный и духовный прогресс российского общества и приведшего в конце концов к трагическому для России господству богоборческих сил. Предчувствуя опасность и для христианства и для мира их разрыва, мать Екатерина говорит о том, что истинное христианство и правильно осмысленное монашество несомненно являются «формой жизни», которая может приспособить человека к общественной деятельности... где нужен бескорыстный, самоотверженный труд. Школа, больница, приют, богадельня, тюрьма – все это истинное поприще монашеского труда».

Итак, речь идет о подлинной христианской свободе, без которой невозможно исполнить то, что было завещано Христом Своим последователям.

6. «Наша церковь никогда не была так свободна»

Русская идея матери Марии была бы крайне обеднена, если бы мы сочли ее благотворительную, пусть достаточно широкую, деятельность за наиболее полное выражение этой идеи. Нет, дерзновенная надежда на возможность спасения «тонущего корабля» требовала особой программы. А значит, осмысления причин катастрофы. В некотором смысле мать Мария продолжает попытки игуменьи Екатерины найти формы для возвращения к тем началам христианского благовестия, которые смогли бы содействовать спасению от гибели «оснащенного корабля», которому матерью Марией было дано имя «Россия»... Вновь и вновь возвращаясь к этому образу, я задаю себе вопрос: возможно ли одному человеку или небольшой группе лиц «преодолеть стереотип» – остановить безумие убийц, вскрыть гибельность тотальной лжи и губительный для человеческой души и народа смысл предательства Истины? На это отвечает двадцативековая история Церкви. Все перечисленные мною опасные для человечества обстоятельства и явления предотвращались людьми, решившимися на подвиг ради торжества Истины. Чаще всего они начинали свой бой с изменой, ложью, бесчестьем в одиночку, вдохновляемые любовью и верностью Богу. И преп. Максим Исповедник, и преп. Феодор Студит, и святитель Марк Ефесский, и множество других защитников Истины, вошедших в сонм поборников Божественной правды. Церковь называет их служение исповедничеством. Они не

получили награды на земле, напротив, были жестоко гонимы, проклинаемы «своими» и чужими, подвергались клевете, пыткам, презрению, смерти...

На пути поисков церковной правды и церковной свободы мать Мария после пережитых ею трагических потерь начинает искать «понимания русской миссии в истории» (статья «Наша эпоха»²¹).

И в этих поисках «последнего русского смысла» она останавливается на двух крайних точках зрения, на двух идеях России. Вот они:

« – Избранный народ Божий, Израиль, совершил свое мессианское призвание, воплотив мессию, Богочеловека, Христа. Мессианскому русскому народу надлежит раскрыть свое мессианское призвание...

– Воплотив Антихриста?..

– Воплотив то, что завещано Богочеловеком.

– Воплотив Богочеловечество».

Являясь сторонницей второй идеи, мать Мария уверена в том, что воплощение Христа «приблизило» тварный мир к божественному замыслу о нем, что Христос «как бы освятил человеческую историю», и «мессианское задание, выполненное избранным народом, передало подобное задание и другим народам». На этом основано утверждение о «мессианском характере русского народа», выразившегося в жажде «воплотить в жизни божественный замысел о мире». И далее: «русский мессианский народ чаёт и хочет явить Богочеловечество».

Между тем, как выясняется из финала статьи «Наша эпоха», это «задание русского мессианства» и определяет «наши ближайшие задачи, и оценку, кото-

²¹ Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки. Т.2.

рую мы должны сделать по отношению к современным событиям русской жизни».

Перед нами, конечно же, своеобразный спор русского религиозного романтизма с русским нигилизмом, которому в этой же статье дана характеристика как ереси и выражению «русской апокалиптичности». Однако именно с апологии российского мессианства начинаются поиски матерью Марией русской идеи XX века. Она пытается опираться на прозрения русских гениев и пишет оригинальную работу «Мыслители», представляющую собой дискуссию, в которой якобы участвуют властители «российских дум»: Достоевский и Чаадаев, В. Соловьев, Хомяков и Леонтьев. Их монологи и диалоги состоят или из прямых цитат, взятых из их сочинений, или из пересказов, а есть и придуманные матерью Марией толкования героями ее сочинения событий российской истории, послереволюционной и современной. И здесь существенное место занимает идея «Третьего Рима». Она была высказана псковским иноком Филофеем в начале XVI века: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Третий Рим – Москва. Это и есть основа, или, если хотите, «формула русского мессианства», и в первый период поисков «русской идеи» она серьезно занимает мать Марию. И это понятно. Любовь и тоска по утраченной Родине, страх за нее взыскуют надежды и оправдания России, оправдания ее страданий. И здесь, наряду со стремлением осознать особую мессианскую судьбу России, возникает мысль о трагическом величии народа, остановленного в своем движении к Граду Божию, остановленного русским апокалипсисом. «Воистину, третий Рим символичен, – пишет мать Мария, – и прообра-

зом его является небесный Иерусалим. Он есть жажда воплощения небесного града».

Так мать Мария выражает свою веру в религиозную исключительность и мессианское призвание России. Для нее это важно именно в тот период, когда она начинает размышлять о своем призвании, искать свою Россию на чужбине. Тогда-то и появляются настойчивые упоминания о мессианской идее.

Является ли это своеобразным духовным противостоянием тому унижению, которое испытывала православная Россия, плененная тем самым русским нигилизмом, обретшим в большевизме образ чело-веко-зверя с ружьем, бесстрашно крушившего православные святыни и расстреливающего русскую Церковь? Конечно.

Именно духовное противостояние и стало «закваской» той русской идеи, которая была стимулом жизни и деятельности матери Марии. Плен, в котором томилась Россия, должен был породить жажду свободы. Так было в России, когда мученическая Церковь пошла на крест. Так происходило и вне России с той ее частью, которую волны революции принесли к чужим берегам...

«Третий Рим», как некий символ христианского величия, мог возникнуть в церковном сознании после долгого прельщения «византийским могуществом» (могуществом «второго Рима»), прельщения, полученного в наследство от крестных отцов – греков.

Византия, как религиозная держава, еще задолго до своего падения, была разделена, она дала миру сонм святых и одновременно с этим явила пример разрушительной для Церкви силы, таящейся в государственной власти, посягающей на господство в Церкви. Рос-

сия избежала власти «третьего Рима», но не избежала власти русских «василевсов» над Церковью, власти, ослабившей Россию, так же, как в свое время Византию. Путь к «третьему Риму», путь к могуществу христианской империи, не был указан Христом в Его откровении о Церкви. Это не могло содействовать воплощению Богочеловечества, о котором не раз в связи с «русской миссией» говорит мать Мария. Россия должна была изжить в страданиях и мученичестве «византийские соблазны» державного могущества. Бог «вмешался» в русскую идею и отменил устройство в Москве «третьего Рима». Москва, так же как Петербург, как любой город России, должна была «прожить» свою судьбу.

Глашатаи русской идеи, как идеи державной и мессианской, с трудом расстаются и поныне с романтизмом старца Филофея.

С трудом расставалась с ней и мать Мария. «Мессианская идея» должна была «вычиститься» в страданиях плененной Церкви и в осмыслении причин трагедии. Только в рабстве можно познать истинный смысл свободы. Только осознав трагедию порабощения Церкви, можно ощутить жажду церковной свободы. Так, русская идея матери Марии обогащается еще одной темой. Темой церковной свободы. И, если раньше «идея России» была обозначена как исполнение Божественного замысла о Богочеловечестве, то теперь она обретает более четкое и наполненное духовными реалиями содержание. Без церковной свободы исполнить Божественный замысел о новом бытии невозможно.

«Наша церковь никогда не была так свободна. Такая свобода, что голова кружится. Наша миссия –

показать, что свободная церковь может творить чудеса. И если мы принесем в Россию наш новый дух – свободный, творческий, дерзновенный, – наша миссия будет исполнена. Иначе мы погибнем бесславно». Эти слова матери Марии приводит К. Мочульский в своих воспоминаниях, а в статье «Под знаком нашего времени», опубликованной в 1937 г. («Новый град»), мать Мария разрабатывает эту идею «головокружительной» церковной свободы, возлагающей на узнавших власть такой свободы особое служение. Мать Мария называет его «миссией».

О какой же свободе идет речь? О возвращении утраченной церковной свободы, которая изначально была дарована Богом? «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3. 17); «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8. 32).

На этих двух новозаветных изречениях строится основание церковной свободы, в пребывающем вечно Царствии Божием. Оно же, это Царство, по слову Христа, «внутри вас есть» (Лк 16. 21).

Это и есть Церковь, где царствует Глава ее Христос.

Человек может не знать этого или не верить в такую реальность, он может не услышать и не принять утверждение Бога, сказавшего, что человек сотворен по образу Божию. Это ничего, однако, не меняет, реальность остается реальностью.

Я намеренно уточняю эти понятия, поскольку мне важно продолжить тему, намеченную прежде, и остановиться на опасности «адовых врат», которые, по уверению Христа, не могут «одолеть Церковь». Это было сказано апостолу Петру, когда он был назван «камнем Церкви» за исповедание Христа. В ту пору только избранные верили во Христа как в Мессию,

Избавителя. Это исповедание грозило смертью, побиванием камнями. Такую мучительную смерть претерпел первомученик Христов архидиакон Стефан уже после распятия и воскресения Спасителя. Однако Петр вымолвил первым, первым признал Христа Сыном Божиим. И Христос отвечает на это признание так: «блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И я говорю тебе: ты Петр²², и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16.17).

Таково пророчество Христа о бессилии «врат ада». Но эта, неподвластная аду, Церковь может устоять только на свидетельстве. Однако свидетельство, исповедание Христа, обретающее силу в Царстве Божием, что «внутри вас есть», было опасным для жизни не только во времена апостольские, но и во все периоды мировой истории. Значит, уберечься от врат адových Церковь может только тогда, когда готова к мученическому подвигу.

Если бы было иначе, если бы, как уверяют нас многие, тешащие себя надеждой на принадлежность к Церкви, она была ограждена от врат ада при любых условиях только за то, что называет себя Церковью, то Апокалипсис св. Иоанна Богослова, названный Откровением, не начинался бы с раскрытия судеб Церкви и с упоминания тех условий, при которых ад подступает к церковным вратам. Главным признаком его приближения становится измена, иудократия в Церкви, влекущая к покорности земной власти церковных владык и «отцов-батюшек», покорности, в

²² Камень.

конце концов превращающейся в прочную традицию.

Вникая в христианскую историю человечества, мы можем заметить, что апокалиптические пророчества св. Иоанна Богослова словно бы зеркально отражают некоторые существенные для Церкви периоды трагических искушений, связанных с оскудением веры и верности. Для российского православия таким опасным искусом, как уже говорилось, оказалась «византийщина», характерная вмешательством государственной власти в жизнь Церкви. Она и породила ту самую «симфонию» власти и церкви, названную «цезарепапизмом», когда государь, словно бы занимая «кафедру папы», узурпирует прерогативы церковной власти.

Христианство ответило на эту угрозу гибели Церкви бегством в пустыню. Монашеством, как особым бытием, способным сохранить Христово откровение о Церкви. Оно ответило отречением от мира, бескровным мученичеством. Оно было призвано сохранить свободу, полученную не от земных властителей за компромисс с ними, а от Духа Святого, свободу, которую не дано отобрать ни земным, ни церковным «владыкам», посягающим на тайну духовной свободы.

Пустыня, однако, не разделила Церковь, стоящую на камне исповедания, ее разделяла только измена. Измена, проявляющаяся в виде ересей, лжеучений, целью которых было всегда удовлетворение гордыни церковных властолюбцев. Но каждый раз, когда камень Церкви пытались расшатать «посланники ада», пустынножители своей верностью останавливали гибель Церкви. Пустыня приобретала с течением времени новые формы, в лагерях и тюрьмах совет-

ского ГУЛАГа исповедники веры уходили в сердечные пустыни, в шумных городах за монастырскими оградами или за наглухо запертыми дверьми в «катакомбах духа» не прекращалась и сейчас не прекращается духовная борьба с «вратами ада».

В этом я еще раз убедилась совсем недавно. Как раз в то время, когда писалась эта работа, меня посетили приехавшие из российской, как говорят, «глубинки», катакомбные христиане, проскитавшиеся в течение долгих лет по лагерям и тюрьмам. Наш разговор о Церкви был долгим. Горячим, трудным, горестным. Мы все время кружились вокруг одного и того же вопроса. Вокруг «врат ада», подступивших к Русской православной церкви (РПЦ), иерархи и священники которой все не решатся поведать миру о трагедии измены, совершенной иерархией Московской патриархии в угоду Сталину и чекистам, позволившим существовать РПЦ по «регламенту», определенному богоборческой властью. Почему же они так нерешительны?

В покаянии вся тайна спасения, – знаем мы из Библии и из творений Святых Отцов. Покаяние – дар, но принять его может лишь тот, у кого совесть не изъедена гордыней. Признаться в церковной измене – страшно. За этим признанием стоит угроза распада «канонической связи», той самой «преемственности», которая в случае измены становится фикцией: ведь не человек человека возводит в священный сан, а Дух Святой. Его же обмануть невозможно. Но «отец лжи» дьявол, поставщик гордостных лживых идей и мыслей. И для каждого нашего греха, будь то измена или малодушие, он непременно изобретет оправдание. «Нет, мы не совершали измены, – гово-

рят сторонники сергианства, нового «православия по-советски», изобретенного митрополитом Сергием по указке Сталина, назначившего митр. Сергия Патриархом всея Руси. – Мы спасали церковь». И для того, чтобы ее спасти, пошли на сделку с дьявольской властью, подписав в 1927 году Декларацию о наших намерениях быть «с нашим народом и нашим правительством», так как «ваши радости» (объяснил в Декларации митр. Сергий, а за ним повторили послушные ему и Сталину епископы) есть и «наши радости»...

Это означало всего лишь следующее: ваши радости, связанные со строительством нового атеистического общества – в котором нет и не может быть места истинному христианству, отныне будут нашими радостями. Ваши радости, связанные с созданием ГУЛАГа, предназначенного для геноцида Церкви и миллионов россиян (число и имена их знает только Бог), отныне будут нашими радостями.

Смотрите-ка, сколь величественны те, кто открыл путь к «спасению церкви», еще невиданный в истории христианства, и как сильны те, кто является «каноническими» преемниками «спасителей» РПЦ, не случайно ведь советская и постсоветская «византийщина» все так же печется о «любивой симфонии», помогая РПЦ в приобретении почета, денег, имущества.

Зачем же им, наследникам патриархов и епископов, узурпировавшим власть Главы Церкви Христа, каяться в том, что они продолжают верностью сергианству все так же «спасать» церковь, держа в страхе и покорности тех священников, которые начинают сомневаться в том, что сталинской плеяде иерархов

все же удалось спасти церковь. Тоталитаризм как рак, его метастазы поражают все клетки общества.

Да, наш разговор с посетившими меня катакомбными христианами был горек. «Есть ли Церковь в России?» – спрашивали мы друг у друга. Не одолели ли ее «врата ада», разве измена новозаветному откровению о Церкви, раскол с мученической, катакомбной, назвавшей себя «истинной православной» церковью, раскол с той частью церкви, что оказалась за рубежом, отказ от честного признания перед церковным народом греха измены не является свидетельством победы «адовых врат»?!

Мы не могли ответить ни себе, ни друг другу на эти вопросы. Мир не может оставаться живым, если в нем нет Церкви. Его может удержать на «поверхности вод» только Церковь, свободная от «врат ада». Она, по словам историка Церкви профессора Киевской Духовной Академии Н.И. Щеголева (1821–1884), «подобно ковчегу Ноеву, носившемуся по водам всемирного потопа, переносится Богом по всей земле от царства в царство, от народа к народу. Церковь Христова в продолжение всего времени существования своего в мире побывает преимущественно во всех странах и народах земли и соберет в человеческом роде, как с поля, все классы²³, достойные храниться в небесной и вечной сокровищнице. Пока в народе есть люди, покоряющиеся вере, способные воспользоваться средствами спасения, содержащимися в Церкви, до тех пор и Церковь существует и хранится там Богом; в противном случае, Правда Божия, *не мечущая бисера пред свиньями*, отнимает у недостойного и

---

²³ Колосья (славян.).

неверного народа это сокровище... Пока будут на земле народы, способные стоять на чреде хранения Царства Божия, Бог будет воздвигать их одного за другим на это поприще по мере того, как будут сходиться с него народы недостойные. Из притчи Спасителя знаем, что Церковь, вначале малое и незаметное Общество среди обширных царств человеческих, подобно *зерну горушичну*, возрастает в большое древо, делается обширнее всех царств земных (Мф 13.31). Эта предсказанная судьба Церкви оправдалась историей Ее. Знаем и то, по откровению Иоанна Богослова, что пределы Церкви под конец мира сократятся в малое число избранных: это – конечная судьба пространства Церкви»²⁴.

Я пересказала моим собеседникам мысли Н.И. Щеголева о Церкви, они и послужили, вероятно, ответом на вопрос, который нами обсуждался. «Малое стадо», по словам Христа, и есть тело Церкви, оставшееся верным своему Спасителю. Оно невидимо миру, как невидим Христос. Это и есть «закваска» России, которой предстоит восстать из пепла или погибнуть. Церковь, по словам А. Хомякова, есть великая тайна мироздания. В ней сокрыта великая сила; не случайно св. Ириней Лионский говорил, что «когда Церковь в конце (истории) будет внезапно взята отсюда, то будет скорбь, какой не было от начала и не будет» (Против ересей, кн. 5).

Мать Мария воспринимает суть церковной свободы как послушание Христу, как послушание Истине,

²⁴ Цит. по кн. : М.А. Новоселов. Письма к друзьям. М., 1994, с. 286-287.

путь к которой открывает сущность новой жизни в церкви, свободной от мира и свободной для мира. Для миссионерства в нем.

Послушание Христу и есть акт свободы, Евангельская свобода связана с евангельской верностью Христу. Ты выбираешь эту истину и эту жизнь и становишься свободен. Отныне ты не один. Если ты не нужен людям, если ты покинут, и твоя вера, твоя свобода им не интересна и не нужна, с тобой остается всегда невидимая Церковь и ее Глава Христос. Но, если ты, как мать Мария, уверен в своей особой миссии, ты непременно готовишься к жертве. К поруганию, к гонениям, оскорблениям, издевкам, пыткам и смерти...

«Свобода, – пишет мать Мария, – обязывает, свобода вызывает жертвенную отдачу себя, свобода определяет честность и суровость к себе, к своему пути. И мы, если мы хотим быть суровыми и честными, достойными данной нам свободы, то в первую очередь мы должны проверить наше собственное отношение к нашему духовному миру. Мы не имеем права безоговорочно умиляться на все прошлое, – многое из этого прошлого гораздо выше и чище нас, но многое греховно и преступно. К высокому мы должны стремиться, с греховным бороться. Нельзя все стилизовать под некий сладостный звон московских колоколов, – религия умирает от стилизации. Нельзя культивировать мертвый быт, – только подлинное духовное горение весомо в религиозной жизни. Нельзя замораживать живую душу правилами и уставами, – они были в свое время выражением других живых душ, а новые души требуют соответственного своего выражения. Нельзя восприни-

мать церковь как некое эстетическое совершенство и ограничивать себя эстетическим мленьем, – Богом данная свобода зовет нас к активности и борьбе. И было бы величайшей ложью сказать ищущим душам – идите в церковь, потому что там вы найдете покой. Правда обратна. Она говорит успокоенным и спящим: идите в церковь, потому что там вы почувствуете настоящую тревогу о своих грехах, о своей гибели, о грехах и гибели мира, там вы почувствуете неутоляемый голод о Христовой истине, там из теплых вы станете пламенными, из успокоенных – тревожными, не знающие мудрость века сего – вы станете безумными во Христе.

К этому безумию во Христе, к этому юродству во Христе зовет нас наша свобода. Свобода призвала нас наперекор не только язычникам, но и многим, именующим себя христианами, строить церковное дело именно так, как его всего труднее строить»²⁵.

Это не риторика. Не пафос и не декларация. Мать Мария шла путем, насыщенным тревогами, потерями, разочарованиями, шла к переоценке смысла свободы. Она уходила от уверенности в том, что Россия призвана стать «третьим Римом», настаивая и сомневаясь в том, что России предназначен свой мессианский путь, путь к осуществлению Богочеловечества. Она шла дорогой, проторенной славянофилами, страшилась вместе с Достоевским духовной бесовщины и шигалевщины, осуществившейся в русской революции. И создавала свою апологию Святой Руси как уникального дара Бога человечеству.

Она мучилась Россией.

²⁵ Мать Мария, т. 2, с. 259-260.

Возможно, эта мука, так же, как цельность и верность своей любви к России, родилась тогда в туманном предвоенном Петербурге, в страданиях за Блока как за «символ» погибающей родины. Как бы то ни было, но мать Мария пронесла эту цельность как богатейший дар, пронесла до той минуты, когда должно было исполниться обещанное Богу и себе самой.

В ее мучениях о России, в попытках «вычертить» прямую линию российской судьбы особую роль заняла идея Церкви, как центра человеческого и мирового бытия. Она, конечно же, как и множество русских эмигрантов, знала только малую часть о том величественном подвиге, который был предназначен Богом мученической Церкви России. Она знала о Соловках, но знала крайне мало. Знала, что Соловки лишь одна из частей зловещего Архипелага «гулаговских островов»: лагерей, тюрем, сибирских и заполярных ссылок.

Образ России, как оснащенного и гибнущего корабля, завершивший в 1936 году очерк об Александре Блоке, словно бы присутствуя в других статьях и стихах матери Марии, постепенно дополняется и обогащается надеждой. Надеждой на то, что корабль может быть спасен. Его надо только «разгрузить»...

7. «Мы здесь являемся некоей лабораторией для России»

Борьбой за церковную свободу был ознаменован самый напряженный, самый последний этап строительства матерью Марией «лаборатории для России».

Идея церковной свободы родилась в отрицании рабства. Но откуда же рабство в эмиграции, вдали от России? Ведь именно там, на свободе и было впервые создано «Православное дело», и его участникам отнюдь не грозили Соловки.

Но для того, чтобы обрести свободу, которой обладали христиане первых веков нашей эры, ту свободу, по которой томилась душа матери Марии, нужно было отказаться от суррогатов свободы, «занесенных» в Церковь в течение веков.

Перечислять эти подмены я не стану, это не входит в мой замысел. Дело не в «реестре» подделок. Для того, чтобы уточнить мысль о необходимости церковной свободы, которую осознает каждый, кто любит Церковь и ищет в ней спасения, я напомним один эпизод из «Деяний Апостолов». В одной из последних глав «Деяний» повествуется о том, как корабль, на котором вместе с другими узниками находился апостол Павел, оказался в бедственном положении. Корабль плыл в Италию. Как мы помним, апостол Павел требовал кесарева суда, и его отправили в Рим. Плавание было затяжным и рискованным. И вот наступил момент, когда корабль «схватило так, что он не мог противиться ветру: и мы носились, отдавшись

волнам» (Деян 27.15) – свидетельствует автор «Деяний». Согласно предположениям некоторых церковных писателей, «Деяния Апостолов» были написаны евангелистом Лукой.

Управлять кораблем было невозможно, он мог в любую минуту сесть на мель. Тогда было решено его разгрузить...

«На другой день по причине сильного обуревания начали выбрасывать груз, а на третий мы своими руками побросали с корабля вещи» (27.18-19). На четырнадцатый же день Павел стал уговаривать всех принять пищу, уверяя, что ни у кого из находящихся на корабле «не пропадет волос с головы». И «взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу. Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ. Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море» (27.35-38).

В этой подробной летописи опасного путешествия и чудодейственного спасения важны не только подробности, но и образ мыслей и действия Апостола Павла, отправляющегося в свое последнее путешествие. Он погибнет от меча в Риме. Корабль терпит бедствие, и смерть витает над его пассажирами. Но Павел слышит Бога и верует в то, что Он спасет корабль. Однако его надо разгрузить. И эта мысль очень важна. В море сбрасывают все, что мешает спасению, выбрасывают даже пшеницу, которая могла бы служить пищей для попавших в беду. Отказ от груза, каким бы важным он ни был для жизни, освобождает. «Слушай слово, народ мой: готовьтесь на брань, и среди бедствий будьте как пришельцы земли, – говорит пророк Ездра, получивший дивные откоро-

вения от Бога. – Продающий пусть будет, как собирающийся в бегство, и покупающий – как готовящийся на погибель...» (3 Езд 16:41-42).

Церковь – корабль, Ноев ковчег, ей предназначено терпеть крушения, «сильное обуревание», сокрушительные бури, а чтобы выстоять, необходима свобода отречения от мирских посягательств, соблазнов и влияний.

Такая свобода есть плод христианского аскетизма, она учит готовности выбросить за борт то, что грозит гибелью... «В идеале, – пишет мать Мария, – каждое наше дело должно быть малой церковью, и все лица, работающие в нем и обслуженные им, должны быть членами, органически связанными между собой и с целым. Нужды нет, что это только идеал, действительно не осуществимый в реальной жизни. Важно, чтобы именно он стоял перед нами, – это окрасит все дело, даже самое практическое, в совершенно иные тона, это уничтожит самую большую опасность, стоящую перед нами – ведомственность, положение учреждения... Нам нужно выращивать соборный организм, а не устраивать механическую организацию».

Я выписываю эти размышления матери Марии из статьи «Православное дело»²⁶, потому что они имеют прямое отношение к церковной ситуации, сложившейся в России в конце XX века. Пронеслись десять веков после Крещения Руси. Все, что было создано на заре российского Православия: монастыри и лавры, скиты святых, подвиг святителей и преподобных отцов, юродивых и бессребреников – все стало историей, «культурным достоянием», все сокрыто под

²⁶ Мать Мария, т. 1, с. 259.

спудом. Что же обесценило в сознании нескольких поколений непреходящую ценность опыта святых, оказавшегося для большинства музейным экспонатом? Мать Мария определяет ту опасность, которая способствовала «похищению святых». Это «ведомственность, положение учреждения». Церковь к XX веку, взорвавшему российское Православие и уничтожившему российскую государственность, превратилась в «духовное ведомство», в могучую централизованную организацию, управляемую «всесильным ведомством», называемым Священным Синодом. И священноначалие церкви, так же, как государственное чиновничество, заботилось о том, чтобы православие стало не свободным выбором для возлюбивших Бога и Его Церковь, а обязательным, чуть ли не принудительным «религиозно-идеологическим» гражданским долгом. Соборность? Соборность как единство каждого с каждым, единство в любви ко Христу и друг к другу? В церковном «ведомстве» была в почете «ведомственная соборность», управляемая жадной властью, а значит, выгодой. И это обнаружилось, как только начались расколы и разрывы, провоцируемые чекистами.

«Чтобы видеть вперед, необходимо пристально вглядываться в прошлое, – пишет мать Мария в статье «На страже свободы». – Это прошлое, XIX век – потерянный рай буржуазного благополучия, маловерия, духовной ограниченности, самодовольства, – страшной отравой отравил человечество, привел его к смертельной болезни сегодняшнего дня... Христианство, церковь – с одной стороны, безбожное человеческое общество – с другой. Трудно сказать, кто больше пострадал от этого раскола. Безбожное чело-

вечество, предоставленное само себе, почувствовавшее вдруг, что над ним расстилается не бездонное звездное небо, а низкий потолок природной необходимости, отрезавшее себя от подлинных истоков духовного бытия, от подлинных корней настоящей свободы, отказавшееся от своего богоизбранничества и богоподобия, — отдало все свои силы на создание страшных, языческих религиозных систем, на мечту о человекобожеском рае. Мы видим теперь эти мечты воплощенными. Мы знаем, каким человеконенавистничеством проникнут этот рай во всех своих воплощениях, мы знаем, как бред Шигалева определяет сейчас мировую историю. Горы ровняются, человеческое стадо пасется железным бичом, само понятие свободы искореняется, вкус к ней, представление о ней исчезает. Не все ли равно нам, в чьих руках находится этот бич, и во имя чего человечество обездушено. Подчинена ли богоподобная человеческая личность закону класса, должна ли унавозить собою будущий пролетарский рай, или растворена она в потоке священной германской крови, принесена ли она в жертву воскрешенному кумиру римской государственности, — важно во всех этих явлениях отрицание ее самоценности, отрицание человеческой свободы, отрицание возможного богоизбрания всякого человека. Безбожный мир не только раскрыл нам свои доктрины, он показал, что дает воплощение этих доктрин, он породил ненависть, гонения, кровь, насилие, он убил человека, искалечил его душу, пленил свободу. Тот, кто идет теперь за его призывами, не может обманываться: он должен знать, что он идет лишать свободы, уничтожать личность, убивать душу, восставать на дело Христова»²⁷.

В этом жестком анализе трагической реальности важна глубина постижения связей между прошлым и настоящим, между грехом и возмездием.

И потому, рассматривая истоки российской катастрофы, мать Мария обращает внимание на «особую историю в общей истории» для того, чтобы определить «не только положение церкви в самой катастрофе, но и некоторые дальнейшие перспективы ее исторического пути». Каковы же они?

«Да, церковь была парализована, – продолжает мать Мария, – да, ею ведал светский бюрократический обер-прокурорский надзор, духовная школа поставляла русскому обществу не только бытовых батюшек, но и вождей безбожной, материалистической культуры. Интеллигенция жила своими верованиями, народ пребывал в прошлых веках истории, правящий слой был обездушен, формален, лишен творческого напряжения. В духовном смысле Россия переживала какой-то страшный ледниковый период, никакая кровь не могла растопить этого полярного льда. Можно сказать, что в России сочетались не свет и тьма, а блеск и тьма. Век был воистину блестящ и мрачен. И вот в атмосфере этого блеска и мрака, в атмосфере этой ледяной скованности, мертвенного величия, царственного мороза, – зрело и пылало пророческое слово. Через весь XIX век пронеслось оно, неведомо в какой тайне родившееся, неведомо какими силами призванное к жизни. За корою вещества, за этой косной, ледяной корой, за пышным императорским ритуалом официальной церкви наши пророки провидели незримое и говорили нам о вели-

---

²⁷ Мать Мария, т.2, с. 262.

ком соборном начале православия, о свободе христианства, о избрании и богоподобии человека, о ценности человеческой личности, о нашей призванности жить и работать в едином теле Христова Богочеловечества. Сначала они говорили в безвоздушном пространстве. Официальная Россия не нуждалась в их пророческом слове. Ее представление о правде православия совершенно не совпадало с их представлением. А широкие слои интеллигенции думали, что из Назарета не может быть ничего доброго, и жили в совершенно ином кругу идей, выращенных западной обездушенной культурой. И только к концу века, или вернее к началу XX, наша пророческая школа начала слышаться повсюду, ее голос все больше и больше привлекал внимание, ее люди начали проникать и в церковный клир, и в духовную профессуру, с одной стороны, и в интеллигентские кружки и кланы. Над Россией несся набат: он говорил, что надо спасти богоподобную человеческую личность, что надо отстаивать подлинную христианскую свободу, открытую нам в священном начале соборности и любви. Русский народ, все русское культурное целое ринулись на гибель, получив это предупреждение, упали в смертельной болезни, предварительно услышав единственный рецепт, который может их исцелить.

И потом все смешалось: началась вьюга, ночь. Русский народ стал бредить, болезнь оказалась смертельной.

Чаемое богочеловеческое единство обернулось страшным ликом зверя-человекобога. Свобода стала жертвой насилия. Христианство вошло в полосу мученичества».

Я привожу столь длинную цитату не только потому, что предпочитаю реализм истории ее романтическому приукрашиванию. Трагедия России была предрешена, об этом свидетельствуют факты и обстоятельства, приведенные матерью Марией. Их необходимо помнить, чтобы избежать вреда «подлакированной истории», к которой весьма склонны не только «патриоты Церкви», считающие, что патриотизм вполне адекватен в е р е , но и те, кто благоговееет перед российской историей.

Пророческое слово, о котором говорит мать Мария, не забыто, оно возвращается в Россию, но для того, чтобы его «вместить», чтобы была восстановлена «связь времен», нужно вернуться к истокам христианства: к покаянию. И к и с к у п л е н и ю .

В Апокалипсисе св. Иоанна Богослова, обращаясь к Ангелу Ефесской церкви, Господь говорит: «Ты много переносил и имеешь терпение и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак, вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откр 2. 3-5).

Господь оставляет светильнику, т.е. церкви, время для покаяния и возвращения к «первой любви». Возвращение же возможно через покаяние и искупление. А верность «первой любви», верность Богу, так же, как боль, страдание и страх перед изменой, возвращает пророческий дар.

«Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать... – говорит Апостол Павел в Послании к Коринфянам. – А кто

пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение» (1 Кор 14.1-3).

Пророчество – духовный дар. Дар церковной свободы.

Стоит ли, однако, обосновывать право на свободу и правду в ситуации «эмигрантской свободы» от российского плена?

В статье «Под знаком свободы» мать Мария говорит о необходимости понять тайный смысл того факта, что «потеряв нашу земную родину, мы не потеряли родины небесной». Она уверена, что «с нами, среди нас, находится церковь, и вся православная церковь целиком, она не делится по частям на какие-то полцеркви. И в России она целиком, и в эмиграции она целиком, и в каждом приходе целиком». Таков «тайный смысл» Церкви, связанный с ее мистической природой. Она, по слову Апостола Павла, есть «полнота Наполняющего все во всем» (Еф 1.23).

Реальность этой полноты, конечно же, рождает особое «чувство Церкви», чувства ее постоянного присутствия в мироздании, основой которого, по словам св. Григория Нисского, и является Церковь. Однако это рождает горчайшую печаль, когда в периоды тяжелых испытаний, выпадающих на долю Церкви, маловерие и маловерие открывают аду церковные врата.

Знала ли мать Мария о том, как «реформировали» Православие большевики и чекисты и как помогала им покорность «владык» и «батюшек»?

Мать Мария знала о гонениях, о Соловках. «Мы можем, – писала она все в той же статье «На страже свободы», – почти с полной уверенностью сказать, что в России при всех возможных режимах для религиозной свободы уготованы Соловки»²⁸. Она была права.

Так оно было при Ленине, Сталине и при их последователях. Сегодня же гонителями церковной свободы стали администраторы из Московской патриархии, те самые «канонические наследники» неканонических патриархов и иерархов, назначаемых Сталиным и другими генсеками с помощью чекистов всех призывов.

Мать Мария, это видно из ее статей, бесспорно обладала тем даром, который она обозначила как «пророческое слово». Все, что она пишет о церковной свободе, имеет непосредственное отношение к «церковной несвободе» в России ленинско-сталинского периода, оставившего тяжелейшие духовные, нравственные, социальные и политические последствия в постперестроечном времени. Времени, характерном устойчивым реваншизмом в любых сферах жизни. И, конечно же, в церковной тоже.

Именно дар пророческого слова побуждает мать Марию занимать внимание ее соратников по «Православному делу», единомышленников и оппонентов идей церковной свободы, отвержением лжецерковной, ханжеской, фарисейской морали.

Чувствуя полноту Церкви, она чувствует и Россию, не зная доподлинно всех ужасов большевистского плена. Но Церковь едина и потому, чем труднее становится в России, тем важнее для матери Марии создать в эмиграции «лабораторию для России». Это и есть работа по осмыслению новой русской идеи, идеи свободы, рожденной в осознании смертельной опасности «радостного плена», плевелы которого посеяло в мире церковное «сергианство».

²⁸ Мать Мария, т. 2, с. 273.

Его надо преодолеть, без этого невозможен исход из тьмы.

«Нельзя замораживать живую душу правилами и уставами». «Нельзя культивировать мертвый быт», — пишет мать Мария.

Однако путь к воскресению «непогребенных мертвецов», как называет она мертвые души, не знающие жажды живой воды, благодати Духа Божьего, трагичен не только для таких живых мертвецов. Он губителен и для мистического тела Церкви, «непогребенные мертвецы» умерщвляют церковный организм. И чем больше их становится в мире, тем ближе нераздельная власть Антихриста, власть губителя человеческих душ. Об этом свидетельствует история России XX века, отменившая ту самую русскую идею, которая была вымечтана русскими гениями. Но их пророческое слово о предстоящей катастрофе обретает сегодня новое звучание. Так же, как пророчество о судьбах Церкви в Откровении св. Апостола Иоанна. «Имеющий уши да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия» (Откр 2.7).

8. «Дети! последнее время...»

Но могут ли в наш страшный век тотальной лжи, в век иудократии и сатанинских соблазнов находиться среди нас «побеждающие», те, кто вкусят от древа вечной жизни? У Бога не остается пустым и праздным ни одно слово. Церковь будет жива в мире, сколько бы ни оставалось в ней подлинных учеников Христа: двое, трое, сто, будет жива до тех пор, пока Бог сохраняет землю от гибели.

Но прежде конца нам обещана милость Божия.

Историк церкви XX века Петр Иванов, книга которого «Тайна святых. Введение в Апокалипсис» (впервые опубликованная в 1949 году в парижском издательстве ИМКА-ПРЕСС и переизданная в России в 1993 году), исследует истоки тех измен духу Апостольской церкви первых веков, которые являются очевидными для верующих и любящих Церковь Христову.

Он обращается к загадочным словам Апостола Павла во Втором послании к Фессалоникийцам (2.17) «тайна беззакония уже в действии» и трактует их как указание Апостола Павла на начавшуюся борьбу Церкви с антихристом. Не случайно же и Апостол Иоанн пишет в своем послании: «Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет Антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1 Ин 2.18). И чуть дальше: «Дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет, и теперь уже есть в мире» (4.3). Размышляя над «тайной беззакония», действующей в церкви, П. Иванов выделяет две силы, которые побуждаются

к разделению присутствием в церкви духа противления, антихристового духа. Вспомним слова Христа: не мир Я принес, но разделение. Разделение с антихристовым духом, духом превозношения. «Жизнь праведных во все времена в церкви приносится в жертву немощной братии. Ее тяготы любящие несут с величайшим терпением, – пишет П. Иванов. – В сердце борются и со своими помыслами и мраком чужих грехов; доброй жизнью очищают нравственный воздух в мире, также трудятся за умерших: их любовь отмаливает зло предков, помогая им и за гробом прийти к покаянию.

Но вся доброта праведности, принесение себя в жертву ради ближних встречает препятствие. Противление тех, кто хочет жить только для себя, ради своих, часто очень скрытых целей. Они названы Апостолом противящимися, превозносящимися свыше всякой меры; это не принимающие Христа в сердце (хотя внешне могут быть большими ревнителями буквы учения).

И вот два рода людей – праведные и не принимающие Христа в сердце (вернее было бы сказать: обожающие только самих себя) – вступают с начала христианской истории в тайную духовную борьбу друг с другом за преобладание в церкви...»

Перечисляя все характерные черты этих церковных властолюбцев и «друзей лжи», П. Иванов приходит к мысли о неизбежности победы апокалиптического зверя над святыми. «Изнеможение святых все усиливается, – пишет историк церкви, – и, наконец, наступает время, о котором «Откровение» пророчески говорит словами: «и дано было зверю вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким

коленом и народом, языком и племенем» (Откр 13.7).

Значит, полное торжество зверя на земле. Необходима перемена всего земного строя, чтобы зверь был уничтожен. И «Откровение св. Иоанна» пророчествует, что по прошествии многих времен произойдут на земле великие события, после которых наступит духовное состояние, которое обозначено, как «первое воскресение» (Откр 20.5)²⁹.

Апокалиптический ангел уже протрубил, – помним мы слова матери Марии.

Но наша задача – остановить распад. Мы должны жить, считает мать Мария, словно мы остались одни на необитаемом острове. И от нас зависит судьба нашего ближнего.

Это постоянная мысль матери Марии. Остановить безумие. Остановить искуплением. Приблизиться к Богу осознанием своей вины, покаянием и жаждой восстановления единства с Ним. Восстановления утраченной соборности.

«Через сто лет будет существовать некий орден или братство, во всяком случае некий подлинно живой организм, некая подлинная соборность, церковное тело, Тело Христово, – так начинает мать Мария открывать то, что найдено ею в “лаборатории для России”. – Глава этого Тела будет Христос, в этом смысле оно будет настоящей малой церковью, составляющей органическую часть единой вселенской православной церкви. Этот организм будет заключать в своих недрах живое, любящее, страдающее и сорадающееся сердце, – внутреннюю группу идеологически, духовно

²⁹ Петр Иванов. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. М., 1993, с. 96, 98.

и братски объединенных людей. Они будут своей соборной напряженной жизнью, своей любовью, своим идеологическим единомыслием и жадной практической активности питать и объединять весь организм, с которым будут находиться в самой нерасторжимой и подлинной связи. Этот организм будет не какая-либо общественно-благотворительная организация, а осуществленная соборность, проецированная на все виды человеческой деятельности идея соборно-личного начала... Каждый человек, так или иначе прикасающийся к этому живому организму, должен быть им переработан, как живая частица вещества, должен, сохраняя всю свою неповторимую личность, с радостью и любовью стать живой частью этого живого многоединства.

Нечего и говорить, что это видение подлинного Православного Дела, эта внехрамовая литургия налагает на нас какие-то совершенно непомерные задачи, ставит перед нами необходимость самого сурового аскетического подвига, огромной и подлинной взаимной любви, напряженности нашего духовного общения. Это так. И нам надо знать, что без подвига, без хождения по непрохоженным тропам, без сурового отвержения духовно легких и практически соблазнительных путей нам ничего не дано будет осуществить.

А вместе с тем все это не фантазия, потому что это единственный вывод и из Евангелия, и из настоящих начал православия. Все остальное – уступка миру сему, его злободневности и относительности»³⁰.

---

³⁰ Мать Мария, т. 1, с. 262-263.

9. «Хайль, мой вождь!»

Итак, внехрамовая литургия. Служение Богу, пребывающему везде и непрестанно. Мистика человекообщения, выражающаяся в единстве с Богом и ближним.

Это не новые идеи. Это знало первохристианство. Знала и знает та часть человечества, которая постигает в религиозном опыте, что целью жизни является преодоление смерти.

Мы постоянно встречаем в сочинениях матери Марии тему Голгофы. «Смерть сделала нас дальнорочче и прозорливее. Смерть стерла все узоры причудливых рисунков жизни и заменила их простым, точным и единственным рисунком креста... Человечество, просыпаясь и оглядываясь, с удивлением и недоумением увидело, что оно находится на Голгофе», – пишет мать Мария в статье «Под знаком гибели»³¹.

Статья написана в 1938 году. В России – ГУЛАГ, гибель Церкви. Два фюрера – Гитлер и Сталин – претендуют на мировое господство. «И Голгофа постепенно, – пишет в той же статье мать Мария, – становится единственным местом, на котором может быть человеческая душа». Все остальное призрачно. Для опаляемой огнем страдания матери Марии каждый день – день последний. Так читается в статьях и стихах летопись ее жизни. Время Голгофы требует от духа человеческого постоянного приближения к Кресту Господню.

Это и есть время внехрамовой литургии. «Эпоха,

³¹ Мать Мария, т. 1, с. 190.

когда человечество стоит у подножия креста, эпоха, когда человечество дышит страданием, когда в каждой человеческой душе образ Божий унижен, заушен, оплеван и распят, – это ли не по преимуществу христианская эпоха?» – читаем мы в той же статье.

Гибель несет пробудившееся язычество, вступающее снова в бой с христианством, оно «сбрасывает личину» и «заверяет, что оно не умирало на всем протяжении христианской истории. Язычество объявляет открытый бой христианству».

Пробуждению язычества, сокрытого во тьме российских исторических тупиков, во глубине российских смут, способствовал переворот семнадцатого года. Агрессивные вооруженные толпы богоненавистников и хриstopредателей в сравнительно короткое время пронесли по России, как смерч, сметающий все живое: храмы, монастыри, мощи святых, книги, иконы.

Смерч достигает и иных пределов. Язычество германского фашизма обнажается в мистических корнях этой разновидности человекобожеского безумия.

Мать Мария не только пророчествует о наступлении новой христианской эпохи, эпохи Голгофы, она говорит о силе духа, которая неизбежно должна пробудиться в тех, кто слышит истинный смысл совершающегося: «иллюзии сгорают. Сгорают языческие боги. Как мал перечень того, что остается. Остается Бог, жизнь, смерть, любовь и простая честная правда»³².

Языческие боги должны сгореть. Они нежизнеспособны, но, как ни страшно это сознавать, они, возник-

---

³² Мать Мария, т. 1, с. 191.

шие в христианском мире и пленившие сознание многих из тех, кто считал себя наследниками христианской идеи, способны возвращаться, возникая из пепла... Болезни современной России связаны чаще всего с неосознанным поклонением языческим идолам: вещественным благам, борьба за которые ведется политиками, к каким бы партиям они ни принадлежали, так называемой культурной элитой и религиозными деятелями, к каким бы конфессиям они ни принадлежали и каким бы саном ни были облечены. Страстная зависимость от «вещественных начал», от обожествления которых предостерегал Апостол Павел первохристианские церкви, губит не только души политических, культурных и «духовных» лидеров. Она открывает и поощряет возможность тотальной криминализации России.

Большевистская революция имеет тенденцию к «воспроизводству», но уже в иных формах, посеянное ею искоренению пока не подлежит. Это станет возможно после духовного, нравственного возрождения России, но оно невозможно без восстановления церкви, невозможно до тех пор, пока в ней не возникнут истинные христиане и не одержат победу над «сынами противления», порожденными духом Антихриста.

Это началось не с нами и не с нами уйдет. «Христианское сознание, – пишет мать Мария, – испытывало на себе огромное влияние всей окружающей атмосферы. Веками тянулся медленный процесс угашения огня, окостенения духа, оплотнения порывов, крепкий, плотной полуязыческий быт внедрялся в христианскую церковь, ритуал являлся мертвым регистром давно забытых порывов. И основной вопрос тут

не только во внешних вещах. Основной вопрос в гораздо более тонких и глубоких соблазнах, которые насквозь пронзили церковное сознание, врезались в самый центр христианства, разложили его человеческую сердцевину»³³. И человечество проснулось на Голгофе. Трезвым утром, как считает мать Мария, вновь повторяя важную для нее мысль. Мысль о надежде. «Кто знает – быть может, это последнее утро в истории человечества, и кто сейчас не проснется, тому уж не будет времени просыпаться. Мучительное, пытающее, блаженное, освобождающее утро, в его свете виден вознесенный над миром крест. Человек распинается на кресте. Это ли не христианская эпоха?»³⁴

Поразительное ощущение, может сказать любой из нас, лишенный столь трезвой ясной веры. Веры, ставшей знанием. Ей не страшен языческий большевистский и нацистский кошмар.

И потому в статьях «Расизм и религия» и «Четыре портрета» дан глубокий и точный анализ тоталитаризма XX века и бессилия демократии, утратившей память о началах, «которые ее породили». Речь идет об отречении «от христианской культуры, от христианской нравственности, от христианского отношения к человеческой личности и к свободе».

Дьявольская «религия крови» – нацизм, фашизм в любых их формах, так же, как большевизм, возникают в результате измены, когда антихристов дух в церкви и обществе претендует на власть над душами людей, пытаясь, и не безуспешно, создать свою новую

³³ Мать Мария, т. 1, с. 192.

³⁴ Там же, с. 191.

религию и своих новых богов. В этой религии, естественно, возникают свои мистики, «духоносцы», пророки и свои молитвы. Одну из них мать Мария приводит в статье «Расизм и религия»: «Вождь, мой вождь, которого дал мне бог, защити и сохрани надолго мою жизнь. Ты спас Германию от пропасти и горя. Тебе я должен быть благодарен за мой насущный хлеб, живи долго около меня. Вождь, мой вождь, моя вера, мой свет. Хайль, мой вождь!»³⁵

Как ни печально, но эта молитва Гитлеру напоминает о благоговении, которое испытывал Патриарх всея Руси Алексей I (Симанский), одаривая Сталина такими эпитетами: «Верховный вождь русского народа», «Мудрый вождь», «Гениальный вождь», «Великий вождь», «Великий мудрый Вождь», «мудрый строитель народного блага», «Великий строитель народного счастья».

А на панихиде по Сталину Алексей I сказал о «великом благодетеле», о «незабвенном Иосифе Виссарионовиче, великом строителе народного счастья» следующее:

«Великого Вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая, общественная, сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы не проникал глубокий взор великого Вождя... Люди науки изумлялись глубокой научной осведомленности в самых разнообразных областях, его гениальным научным обобщениям; военные – его воен-

³⁵ Мать Мария, т. 1, с. 290.

ному гению; люди самого различного труда неизменно получали от него мощную поддержку и ценные указания. Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума...

Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обратились, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного благодаря его высокому авторитету сделано для нашей Церкви нашим Правительством. Память о нем для нас незабвенна, и наша Русская Православная Церковь, оплакивая его уход от нас, провожает его в последний путь, «в путь всея земли», горячей молитвой...

Мы молились о нем, когда пришла весть о его тяжелой болезни. И теперь, когда его не стало, мы молимся о мире его бессмертной души.

Вчера наша особая делегация... возложила венок к его гробу и поклонилась от лица Русской Православной Церкви его дорогому праху.

Молитва, преисполненная любви христианской, доходит до Бога. Мы веруем, что и наша молитва о почившем будет услышана Господом.

И нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, с глубокой, горячей любовью возглашаем вечную память»³⁶.

Стыдно.

Зачем, спросите вы, лгал патриарх всея Руси Алексей I? Забыл о том, что «великий Вождь» пролил реки

---

³⁶ На пути к свободе совести. М.: Прогресс, с. 174, 200.

крови, забыл о геноциде Церкви, о бесчисленных жертвах, о том, что кровавый палач превратил Россию в погост? Нет. Он не мог этого забыть. Это Суд Божий. Когда Бог хочет наказать, он отнимает разум. Новомученик епископ Дамаскин Глуховский и Нежинский писал в своих письмах из ссылки незадолго до мученической кончины, что над русской церковью совершается Суд Божий. Он длится и поныне. Никто из тех, кто был поставлен Алексием I, не исключая, в частности, и его ученика, нынешнего патриарха Алексия II, не сказал во всеуслышание об этом позоре.

Но почему и Гитлер, и Сталин так дорожили религиозным оправданием их злодеяний? И почему нынешние коммунисты, вновь рвущиеся к власти над Россией, ищут поддержку у пастырей православной церкви? И находят.

Не случайно один из считающихся вполне добропорядочным священником, а именно Александр Шаргунов, вместе с другими его единомышленниками оказал доверие коммунистам на президентских выборах 1996 года. Что за странный «конкордат» пастырей с наследниками тех, кто уничтожал мученическую Церковь? Тоска по тоталитаризму? Привычка к безответственности, к формализму вместо подлинного служения, отказ от евангельских основ пастырского служения, которое долгие годы было строго - настрого запрещено?

Запрет стал в конце концов традицией, удобной для лжепастырей, поставленных с согласия богоборческих властей. «Это похоже на театр!» – сказал один близкий мне человек, который долго отказывался от крещения. Я спорила с ним. Он был в ту пору начи-

нающим артистом и не мог, как я думала, отличить актерское исполнение от служения Богу.

Я была оскорблена и пыталась доказать его неправоту. Но истинную веру, так же, как подлинность служения, отличающегося от актерства, доказать невозможно. Полуверы не бывает, а «техника мастерства» не может заменить благодать. Поклоняться одновременно «Великому Злодею» и Христу – невозможно. Каноническая же преемственность связывает, и, если это связь со лжецом и актером, она опасна. Это и есть Суд Божий.

«Великим Вождям» религия (есть ли при этом вера у служителей культа или нет) была необходима, как почва, на которой должно было произрасти «древо культа», древо их величия. Пастыри же, не решившиеся защищать Истину, привыкли к измене. Привыкли и привыкают сейчас, сначала страдая, мучаясь, потом уступают «отцу лжи» – дьяволу, признавая полезной идеологию «спасения» церкви или своего прихода.

Так и создавалась и продолжает создаваться новая церковь, основанная некогда на культе злодея, объявившего себя «Великим Вождем», а ставшим Великим Убийцей.

Это было с нами. И останется с нами и с теми, кто придет после нас, если не наступит время покаяния. Не формального, «дежурного». Покаяние – это огонь, он сжигает ложь, а вместе с ней и те лживые основания, на которых зиждутся «каноны», не имеющие под собой истинной духовной реальности.

Зная это и страшась разоблачения, деятели мнимой церкви ищут поддержки у властей мира сего. У «Великих» и «Полувеликих» Вождей. Самим же вождям, как

уже было сказано, нужна поддержка преданных им церквей. Не только для укрепления их культа. Но и для созидания своей церкви, зеркально отражающейся в той, что признала их величие.

Мать Мария в статье «Четыре портрета» дает описание этого нового культа, новой церкви, могуществу которой помогают сломленные тоталитаризмом и изменой иерархия и духовенство. Она дает характеристику трем разновидностям новой религии тоталитаризма XX века. Коммунизму, эггитическому тоталитарному фашизму и религии расы.

«В насилии и крови великой войны родилось до того неведомое миру чудовище. Идея классово́й борьбы и классово́й ненависти воплотилось в России в страшное обличье советской власти. Характеристика ее отчетлива, ясна и не вызывает никаких сомнений. Отрицание человеческой личности, удушение свободы, культ силы, преклонение перед вождем, единое обязательное для всех мирозозерцание, борьба со всякими отклонениями от генеральной линии партии. Постепенно коммунизм стал не только некоей философски-экономической системой, но своеобразной вульгарной религией, пытающейся иметь свое мнение буквально по отношению ко всему, что существует в жизни...»³⁷.

Я выбираю из статьи матери Марии наиболее важные приметы этого уникального религиозного явления. Они существенны для того, чтобы понять еще один феномен, а именно живучесть этого, по ее словам, «неведомого миру чудовища». Живучесть, однако, связана с религиозным оправданием этого

³⁷ Мать Мария, т. 1, с. 297.

чудовища. Обеспечение этого оправдания, как это ни страшно, взяли на себя «канонические наследники» служителей языческого культа злодеев! Они не только не признали это церковным преступлением, но и сочли за необходимость скрыть это от церковного народа и общества, сочли за очередное «спасение церкви»!

Удивительно, как долгое презрение к основным христианским заповедям: к покаянию и верности Истине, способствовало сближению коммунизма и христианства, о чем говорил вскоре после своей интронизации нынешний патриарх Алексей II, и о чем столь часто вспоминают коммунисты, вновь рвущиеся к власти над Россией. Между тем, как это ни страшно, в противостоянии двух религий – коммунизма и христианства – коммунизм после уничтожения мученической, верной Христу Церкви оказался сильнее РПЦ. «Коммунизм, – пишет мать Мария, – держится своим религиозным пафосом, он жив, потому что пафос совершенно видоизменяет природные человеческие силы, природное напряжение человеческих мускулов, человеческой воли и человеческого разума, он их удесятеряет, он сообщает им творческое начало, которое всегда, подобно некоему чуду, преобразует законы естества. Коммунизм жив этим страшным, черным чудом своим, своей страшной, черной религией, целостностью, интегральностью, – интегральной ненавистью, интегральным растворением человеческой личности в коллективе, интегральной верой в истину, которая прорекается устами вождя, сверхчеловека, пророка из пророков, черным и страшным мессией черной и страшной своей церкви...»

По существу это была борьба двух церквей. Одна из них – черная – должна была поглотить ту Церковь, которая считала своим Главой Христа. Она, как мы знаем, не покорилась черному мессии, покорилась другая, ушедшая из истинной Церкви. Она и заверила «черного мессию» и его соратников, что у них общие радости («ваши радости – наши радости»).

И не случайно священник этой покоренной церкви захотел со своими соратниками, чтобы вернулись коммунисты, и не случайно почти тридцать миллионов россиян проголосовали за еще одного «человекобога»...

Две другие головы дракона мало чем отличаются от первой. Дьявол однообразен. Один и тот же почерк: «Муссолини бредит этатизмом древнего Рима... Но мы увидим ту же борьбу против человеческой личности, тот же культ коллектива, ненависть к свободе, обязательность известного стандартного мирозерцания, восприятие основных принципов фашизма чисто догматически, без рассуждения и с благоговением. Наконец, и отношение к вождю носит такой же характер, как и в советской России, вождь так же непогрешим...»

И вот третья «голова дракона»: религия расы. И отдельные ее принципы, как замечает мать Мария, оказываются сильнее религиозных принципов коммунизма. Расизм апеллирует не только к внешним интересам человека, он апеллирует к самой его природе, к его крови, к глубинным подспудным инстинктам человеческой души, к каким-то полузабытым зовам природы, он органичнее, как ни странно, я бы сказала, он материалистичнее коммунизма, который по сравнению с ним является некой мозговой выдумкой,

рационалистичен, сух и не почвенен. Расизм – это мистика биологии, это религия космических сил, некий дух, выпущенный алхимиком из бутылки и не желающий в эту бутылку возвращаться, в расизме все время слышатся гулы и стоны « демонов глухонемых». Древний Пан воскресает, магическая сила крови подчиняет себе обезблагодатствованное человечество...»³⁸.

Описывая в статье «Четыре портрета» религиозных монстров XX века, мать Мария отнюдь не испытывает, как это ни удивительно, ужаса перед ними.

Она надеется на чудо. И верует в чудо. Верует в то, что поражение дракона неизбежно.

Вера в Божие чудо и надежда на Его покой даруются тем, кто, испытывая непосильные страдания, не сдаются. Этот дар получают избранники Божии, получают поэты, художники и мыслители, независимо от того, являются они профессионалами или соприкосновение души иным миром становится сотворчеством с Богом и обязательно находит свое особое выражение. В тюрьме я часто вспоминала стихотворение Осипа Мандельштама, обращенное поэтом, как мне думалось, не только к себе самому: «О, путешественник веселый», но и к тому, кто сможет услышать нездешнюю музыку таинственных и простейших смыслов бытия, его начало и бесконечность. Оно, это стихотворение, таило в себе утешение и надежду.

---

³⁸ Мать Мария, т. 1, с. 298, 300, 302.

Ты улыбаешься кому,
О, путешественник веселый!
Тебе неведомые доли
Благословляешь почему?
Никто тебя не проведет
По зеленеющим долинам,
И рокотаньем соловьиным
Никто тебя не позовет, –
Когда закутанный плащом,
Не согревающим, но милым,
К повелевающим светилам
Смиранным возлетишь лучом.

10. Желтая звезда

Ей не пришлось увидеть воочию чуда. Чуда победы над драконом. Ее убили за несколько дней до разгрома фашистской Германии. Не довелось матери Марии и узнать, что сторонники дракона не сдаются и не дают запылиться «дракону реквизиту». Время от времени они достают его из укромных мест и демонстрируют миру. Но надежда, если она утверждает, что чудо возможно, не принимает в расчет абсурда, будучи уверенной в том, что он, абсурд, в конце концов будет поражен бессилием.

...Вера меня не удивляет, говорит Бог, она не удивительна,
Я так величественен в своем творении.
А вот надежда меня удивляет, в себя не могу прийти.
Такая маленькая, неприглядная эта девочка надежда.
Бессмертная.
Она, малютка, за собой все и тянет...
Вера видит только то, что есть.
А она видит то, что будет.
Любовь любит то, что есть.
А она любит то, что будет...

Так писал христианский поэт француз Шарль Пэги, погибший в первые дни войны 1914 г.

Войска фашистской Германии оккупировали Париж в 1940 году.

Мать Мария отказалась покинуть Париж, несмотря

на уговоры друзей. «Она предпочла бы погибнуть в России, – приводит слова матери Марии К. Мочульский, – чем умереть с голода в Париже». Война обострила ее тоску по родине, но она была уверена, что Россия победит в этой войне. «Я не боюсь за Россию», – говорила она Мочульскому.

Перед войной обострились ее трагические предчувствия. Она не боролась с ними, принимала их как должное. Готовилась к своей Голгофе.

В любые кандалы пусть закуют, –
Лишь был бы лик
Твой ясен и раскован.
И Соловки приму я, как приют,
В котором ангелы всегда поют.
Мне каждый край Тобою обетован.

Война изменила все. Не сразу. На улице Лурмель так же служили по праздникам, субботам и воскресеньям. Незадолго до войны в Лурмельском храме появился новый настоятель о. Димитрий Клепинин. «Хотя он был на двенадцать лет моложе матери Марии, – пишет о. Сергей Гаккель, – и совершенно иным по темпераменту – немногословным, спокойным, смиренным, – он был столь же преданным служителем истины, как она: когда вопрос касался Христовой Истины, он становился непоколебимым»⁹.

Сначала порядок жизни на ул. Лурмель мало чем отличался от предвоенного. По-прежнему кормили бедных и голодных, заготавливали необходимые про-

⁹ о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 196.

дукты. Вскоре, однако, начались гонения на русских эмигрантов. Задержанных отправляли в лагерь, находящийся в Компье. Теперь на ул. Лурмель готовили для узников лагеря посылки и отправляли их с помощью Красного Креста. Вскоре началась слежка, и Лурмель стали посещать соглядатаи. Наступило время погони за евреями.

Сначала были высланы евреи–беженцы из Германии. Затем под угрозой гибели оказались евреи, жившие во Франции. Их могло спасти свидетельство о крещении. И к отцу Димитрию Клепинину стали обращаться за такими свидетельствами. «Он решил, – пишет о. Сергей Гаккель, – выдавать свидетельства о принадлежности к лурмельскому приходу: таким образом он предупреждал возможность сверки выданных свидетельств в епархиальном управлении. По его убеждениям, сам Спаситель поступил бы так же...»⁴⁰

Некоторые из получивших свидетельства крестились, крестились с верой, не только решимость о. Димитрия спасти их, но и разговоры с ним помогали обрести веру.

Между тем «религия расы» требовала «жертвоприношений», и в канцелярии Эйхмана в Берлине было принято решение об обязанности находящихся на оккупированных территориях носить желтую звезду Давида. 7 июня 1942 года декрет об этом был обнародован и во Франции. В тот же день было написано знаменитое стихотворение матери Марии, сразу распространившееся в «списках»:

---

⁴⁰ о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 209.

Два треугольника, звезда,
Щит праотца, царя Давида, –
Избрание, а не обида,
Великий путь, а не беда.
Знак Суцгаго, знак Еговы,
Слиянность Бога и творенья,
Таинственное откровенье,
Которое узрели вы.
Еще один исполнен срок.
Опять гремит труба Исхода.
Судьбу избранного народа
Вещает снова нам пророк.
Израиль, ты опять гоним.
Но что людская воля злая,
Когда тебя в грозе Синая
Вновь вопрошает Элогим?
И пусть же ты, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научишься душою вольной
На знак неволи отвечать.

«Нет еврейского вопроса, – говорила мать Мария, – есть христианский вопрос. Неужели вам непонятно, что борьба идет против христианства? Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды. Теперь наступило время исповедничества. Большинство соблазнится, но Спаситель сказал: «Не бойся, малое стадо»»⁴¹.

И здесь, так же, как во многих текстах матери Марии, отмеченных глубиной и чистотой христианского духа, она провозглашает ту русскую идею,

---

⁴¹ Там же, с. 211-212.

которую Достоевский устами одного из своих героев определил, как «всемирное боление за всех». Мать Мария принимает на себя искупительную жертву, зная о проявлениях христианского антисемитизма в России, одним из ярких адептов которого был неизвестный автор фальшивки, названной «Протоколы сионских мудрецов», Сергей Нилус. В ее статьях мы не находим упоминаний о С. Нилусе и его обожателях и последователях, к последним можно причислить и Гитлера, который был знаком с сочинением Нилуса, когда составлял заговор против народа Израиля.

Христианство не могло не побеждать в этой схватке с фашизмом. И оно побеждало. Так, отец Димитрий Клепинин подвергся допросу, как пишет о. С. Гаккель, в течение четырех часов. Он не стал оправдываться в том, что спасал евреев от казни. Священнику предлагали свободу, если он откажется помогать евреям. Тогда он показал свой наперсный крест, на котором был изображен распятый Христос: «А этого Еврея вы знаете?» Его ударили по лицу. «Ваш поп сам себя погубил, – заметил Гофманн. – Он твердит, что, если его освободят, он будет поступать так же, как и прежде»⁴².

В «Вестнике РХД» в 1978 году был опубликован отрывок из письма Димитрия Клепинина, письма к другу, написанного за четырнадцать лет до гибели в концлагере. Это письмо о любви. Любви к Богу. «Она, несомненно, есть содержание жизни, так как жизнь сотворена любовью и заключается в возвраще-

---

⁴² о. С. Гаккель. Мать Мария, с.220. Здесь приведены цитаты из статьи Г.А. Раевского «Двадцать лет спустя», «Русская мысль», 1.08.1961.

нии к первооснове – Любви, – писал будущий священник, которому Бог уготовил мученическую кончину. – Все остальное есть испытание воли к этому возвращению». И далее: «Особенно ярко идея любви как самоцели выражается в мученичестве...»⁴³.

Благослови, Владыко, подвиг наш,
Пусть твой народ, пусть первенец твой милый
Поймет, что крест ему – и рай, и страж,
И что стоим мы у одной могилы.

Эти строки сохранились в архиве матери Марии. Ее биограф о. С. Гаккель полагает, что они вошли в мистерию матери Марии, написанной во второй половине 1942 года.

Бог благословляет подвиг Своих последователей, освобождая их от страха. Он дает силу матери Марии помогать евреям, вместе с малыми детьми загнанным на велодром, расположенный неподалеку от дома на ул. Лурмель.

«Насколько хватало сил, она утешала детей (их было свыше четырех тысяч), поддерживала взрослых, распределяла кое-какую провизию. Говорят, что с помощью мусорщиков ей дважды удалось устроить побег детей: четверо из них были вынесены с велодрома в мусорных ящиках и спасены»⁴⁴.

Пусть постыдятся те, кто осуждал мать Марию за ее «неуставное монашество». А это случалось не раз на ее скорбном монашеском пути. Но ведь именно

⁴³ Вестник Русского Христианского Движения, № 124. Париж—Нью-Йорк—Москва, с. 8—10.

⁴⁴ о. С. Гаккель. Мать Мария, с. 213.

монашеское облачение открывало ей путь на вело-
дром, куда согнали тех, кому были предназначены
нацистские душегубки...

Возможно, вся жизнь матери Марии была подготов-
кой к ее последнему подвигу. К аресту ее сына Юры.
Утратившая двух дочерей, она теперь теряла и сына.
«Если нужно, сваливай всю вину на меня, – просит
она отца Юры Даниила Скобцова, – не жалея меня,
но выручай Юру. Я крепкая, я вынесу... Да и война
скоро кончится. Только бы Юрочку отпустили»⁴⁵.

Он погиб в нацистских застенках...

Вскоре пришли и за ней. «Вы дурно воспитывали
вашу дочь, она только жидам помогает!», – крикнул
Софье Борисовне Пиленко Гофманн после допроса
матери Марии. А на другой день явился к Софье
Борисовне и сказал: «Вы больше никогда не увидите
вашу дочь»⁴⁶.

Мать Марию полюбили ее союзницы. Из их вос-
поминаний мы узнаем, как и чем жила мать Мария в
концлагере.

Она читала доклады на темы русской истории,
проповедовала Христа, вышивала иконы, делилась
скудным пайком с голодными, говорила с узницами
на самые серьезные темы, утешала их, не давая впа-
дать в отчаяние, одаривала их своей силой и верой.
Глядя на лагерный крематорий, она объясняла:
«Только здесь, над самой трубой, клубы дыма
мрачны, а поднявшись ввысь, превращаются в легкое

⁴⁵ Там же, с. 217, 218. Цитата из воспоминаний К. Мочульского.

⁴⁶ Там же, с. 222. Цитата из воспоминаний С.Б. Пиленко.

облако, чтобы затем совсем развеяться в беспредельном пространстве. Так и души наши, оторвавшись от грешной земли, в легком неземном полете уходят в вечность для этой радостной жизни»⁴⁷.

Ее убили в Страстную пятницу. По свидетельству оставшихся в живых, она пошла на казнь, спасая кого-то, кому пришел черед умирать, ушла, чтобы, оставив прах в той страшной печи, смиренным возлететь лучом в Царство света...

* * *

В концлагере она продолжала надеяться на возвращение в Россию. «Я поеду после войны в Россию – нужно работать там, как в первые века христианства, – проповедовать имя Божье служением, всей своей жизнью»⁴⁸.

---

⁴⁷ Из воспоминаний об аресте и лагере Равенсбрюк. Париж, 1947. Цитата приведена о. С. Гаккелем в кн. «Мать Мария», с. 243.

⁴⁸ С. В. Носович. Встреча с матерью Марией в лагере Равенсбрюка. Цитата из «Вестника Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции» приведена в книге о. С. Гаккеля, с. 194.

Содержание

1. На далеких берегах	3
2. «Что я могу, Вершитель и Каратель? Я только зов, я только меч в руке...»	11
3. «Вы символ всей нашей жизни...»	16
4. «Время обернулось апокалиптическим ангелом»	25
5. «Сейчас для монаха монастырь весь мир»	31
6. «Наша церковь никогда не была так свободна»	43
7. «Мы здесь являемся некой лабораторией для России»	58
8. «Дети! последнее время...»	69
9. «Хайль, мой вождь!»	73
10. Желтая звезда	86

Зоя Крахмальникова – русская религиозная писательница. Автор нескольких книг, и множества статей на религиозные темы, опубликованных в России и за границей. В 1982 году была арестована КГБ за составление десяти сборников христианского чтения «Надежда», выпускаемого сначала в САМИЗДАТЕ, затем в издательстве «Посев». Суд приговорил З.Крахмальникову к 6-ти годам лишения свободы: одному году лагеря строгого режима и пяти годам ссылки. В 1987 году она была освобождена из ссылки. В настоящее время живет в Москве.

* * *

Вы можете заказать эту книгу в отделении нашей миссии на Украине по адресу: Христианский центр «Стефанус», почтовый ящик 3610, г.Черкассы, 257005, Украина. Тел. 380-472-471460, Факс. 430-472-471460

Отделение нашей миссии находится также и в Москве по адресу: ул.Раменки, д.6 корпус 2, Москва 117607, Россия. Тел. 095-931-36-44, Факс. 095-932-78-50. Там есть выставка о работе миссии, читальный зал с христианской литературой и видеосалон с христианскими фильмами.

© Copyright 1997 by Зоя Крахмальникова
© 1997 by Stephanus Edition,
P.O. Box 1160, 88683 Uhldingen, Germany
Title: Agentur Buttgerit & Heidenreich
Printer: Ebner Ulm;
ISBN 3-922816-84-3
1. Edition 1997

Printed in Germany

96

«Апокалиптический ангел уже протрубил», – говорила Мать Мария. Но наша задача остановить распад. Остановить безумие. Остановить покаянием. Искуплением.

Мать Мария не только пророчествует о наступлении новой христианской эпохи, эпохи Голгофы, она говорит о силе духа, которая должна пробудиться в тех, кто слышит истинный смысл совершающегося...

В Иерусалиме есть Национальный институт памяти Катастрофы (Шоа) и Героизма – Яд Вашем. Мемориальный комплекс, сооруженный для увековечения памяти жертв, понесенных еврейским народом, окружает Аллея Праведников Мира. Деревья – памятники, растущие на этой аллее, напоминают о тех, кто, не будучи евреем, рискуя жизнью, спасал евреев от гибели. На Аллее Праведников Мира есть дерево-памятник русской монахини Марии, погибшей в нацистском лагере Равенсбрюк...

ISBN 3-922816-84-3

Русская идея матери Марии

Зоя Крахмалышкова

